

ВИТАЛИЙ ГЛАДКИЙ

СЛЮ-ДЕТЕКТИВ

Вечный
Хранитель

Виталий Дмитриевич Гладкий

Вечный хранитель

Серия «Сlio-детектив»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17100254
Вечный хранитель / Гладкий В.Д.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7884-4*

Аннотация

В 1723 году русский дипломат князь Сергей Долгоруков получил в знак признательности от польского королевича Константина подарок – шкатулку с драгоценностями и древней реликвией, Десницей Господней. Шкатулку князь передал юному императору Петру II, а Десницу оставил себе, плохо представляя последствия своего поступка... Потомственный «черный археолог» Глеб Тихомиров однажды утром становится свидетелем дерзкого убийства прямо перед своим домом. Пытаясь выяснить обстоятельства преступления, он неожиданно попадает в водоворот странных и необычных событий, связанных с древней мистической тайной... Новый роман известного писателя Виталия Гладкого, безусловно, окажется подарком для всех поклонников приключенческого жанра!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	34
Глава 2	52
Глава 3	70
Глава 4	89
Глава 5	103
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Виталий Гладкий

Вечный хранитель

Пролог

В далекие незапамятные времена, когда до рождения новой эры оставалось свыше тысячи лет, по узкой каменистой тропе, неведом кем пробитой в Кавказских горах, среди диких замшелых скал и каменных осыпей, ехали двое мужчин. Один из них был постарше, с длинной седой бородой; его зеленые глаза на очень смуглом лице смотрели остро и сурово, а брови были постоянно нахмурены. Казалось, что он бился над какой-то очень сложной задачей и никак не мог ее решить.

Второй путешественник, голубоглазый и белокожий крепыш, судя по его жизнерадостному улыбочивому виду и небольшой рыжеватой бородке «шкиперского» типа, только-только разменял четвертый десяток. Он был порывист в движениях и речист как записной оратор. В отличие от старшего товарища, которому опасная дорога среди скал явно не доставляла удовольствия, крепыш наслаждался прекрасными видами, возникающими перед ними за каждым поворотом горной тропы и всякий раз произносил вдохновенный панегирик матери-природе и Творцу всего сущего.

Невысокие мохноногие жеребцы путников уверенно ступали среди каменного крошева, словно у копыт были дополнительные глаза, а мышцы животных, казалось, не знали усталости. Лошади были одно загляденье – молодые, пышногровые, с шерстью, которая лоснилась как полированная. Тропа все время круто забирала вверх, но на крупах жеребцов (один из них был вороным, а другой – буланым) не было даже намека на пот.

Человек искушенный сразу признал бы в них низкорослую скифскую породу. Правда, не без некоторых сомнений. Лошади скифов (или скотов, как называли себя эти древние и воинственные племена) были очень похожи на коней средневековых кочевников Евразии, в частности половцев и татар. На коротких дистанциях татарские лошади не только носились, как ветер, но и проходили за день до ста километров, тогда как европейская кавалерия не более тридцати. Но кони татар были слишком слабы для боя и быстро уставали под седлом. Даже легковооруженный всадник должен был иметь двух лошадей.

Жеребцы путников лишь внешне напоминали скифских коней. При ближайшем рассмотрении сразу бросались в глаза их гипертрофированно широкие мускулистые груди, предполагающие большой объем легких и неутомимость в беге и длительных переходах. Но и это еще было не все. Жеребцы имели длинные бабки, идеальные для верховой езды, а запястья передних конечностей были направлены немно-

го вперед (такое положение запястий коневоды называют козинцом), что указывало на большую силу и выносливость ног.

Но вернемся к самим путникам. Одеты они были в скифские короткие кафтаны из черной шерстяной ткани с меховым подбоем (в горах по ночам было холодно) и тесно облегающие бедра замшевые брюки с вышивкой по бокам. На ногах у путников красовались щегольские сапожки из мягкой козлиной кожи, низкие голенища которых украшали полудрагоценные камни. Судя по высоким войлочным колпакам, прикрывающим головы путников, они принадлежали к пилофирикам – высокородной скифской знати из племени паралатов¹.

У каждого путника из-под кафтана выглядывал прочный чешуйчатый панцирь-безрукавка, надетый поверх вышитой красными и белыми нитками полотняной рубахи с плотным воротником-стойкой (чтобы железо панциря не натирало шею). Войлочный колпак маскировал железный шлем, очень похожий на русский шишак с бармицей (кольчужной сеткой), которая прикрывала сзади шею и пряталась под меховой опушкой кафтана. А на широких боевых поясах,

¹ Паралаты – скифские племена делились на скифов-земледельцев, скифов-кочевников и скифов царских или паралатов, обладающих исконным правом повелевать и управлять своими сородичами из других племен; исследователи отождествляют скифов-паралатов с летописными полянами, ставшими ядром государства Киевская Русь. Обитали паралаты в степном Крыму и бассейне нижнего Днепра вплоть до реки Дон.

окованных бронзовыми пластинами, висели необычные для скифов мечи, даже отдаленно не напоминающие акинаки².

Седобородый был вооружен мечом, напоминающим более позднюю фракийскую махайру³. Похоже, Мыслителя (назовем так старшего из путников) больше волновали боевые качества оружия, нежели его внешний вид, потому что меч покоился в простых, изрядно потертых кожаных ножнах. Что касается молодого говорливого путника (присвоим ему прозвище Оратор), то к его поясу был прикреплен длинный прямой меч с небольшой гардой; в Средние века новой эры его назовут норманнским.

В отличие от Мыслителя, Оратор явно был щеголем, потому что за ножны его меча можно было купить двадцать кобылиц или около сотни молодых крепких рабов. Ножны ему изготовили из черного дерева и украсили золотыми чеканными пластинами, а в золотую головку рукояти меча мастер-оружейник вмонтировал огромный рубин.

Кроме мечей, путники были вооружены дротиками и луками, которые покоились вместе со стрелами в горитах – специальных футлярах. Луки тоже отличались от легких и удобных в обращении скифских, предназначенных для стрельбы на скаку; они были несколько больше по размеру и их изго-

² Акинак – скифский длинный кинжал (или короткий меч); в длину достигал 40 см, имел плоскую рукоять и плавно изгибающееся к заостренному концу лезвие.

³ Махайра – кривой фракийский меч с утяжеленным боевым концом за счет елмани – расширения клинка от острия до центра удара.

товили из рогов буйвола. Чтобы натянуть такой лук, требовалась очень большая физическая сила. Но и стрелы, выпущенные из них, летели гораздо дальше.

Гориты были подвешены к поясу с левой стороны под углом примерно в сорок пять градусов – чтобы как можно быстрее достать лук и сделать первый выстрел. Их изготовили из тонких деревянных дощечек, обтянули кожей и по скифскому обычаю украсили чеканными бронзовыми бляшками, изображающими бабочек и птиц. К седлам позади седоков были приторочены туго набитые саквы.

Да, да, именно к седлам. В Древнем мире, и уж тем более в те времена, о которых идет речь, о седлах не имели понятия. Максимум на что мог сподобиться всадник, так это положить потник на спину лошади. Первые упоминания о примитивных седлах появились лишь во второй половине первого тысячелетия до нашей эры.

И тем не менее жеребцы путников были оседланы. Седла не имели передних и задних луков, зато к ним прилагались удобные металлические (бронзовые) стремяна и широкие подпруги. Конечно, эти седла значительно отличались от современных, но они были удобны для длительных путешествий, потому что имели мягкую набивку.

– Да-а, далеко нашего друга сослали... – сказал Оратор, когда лошади наконец выбрались на узкое плато, над которым нависали каменные громады, поросшие кустарниками и мхом. – По этой тропе мы уже пятый день прыгаем как гор-

ные козлы, а конца ей не видать.

– Поделом ему, – буркнул Мыслитель. – Он нарушил Закон.

– Ха! – громче, чем следовало, воскликнул Оратор; напуганная его густым басовитым голосом стайка горных (каменных) куропаatok – кекликов взмыла из мелколесья и улетела в ущелье, где кудрявились могучие дубы. – Ему ли не знать, что такое Закон. Ты ведь говорил, что он один из тех, кто его составлял. Наверное, Закон не так совершенен и универсален, как нам представляется.

– Замолчи! – Мыслитель опасливо посмотрел на безоблачное небо, словно оттуда кто-то мог за ними наблюдать. – Ты еще слишком молод, чтобы рассуждать на такие темы. И вообще – выбрось из головы бунтарские мысли. Они до добра не доведут. А тебе еще жить и жить. Пока не исполнишь свое предназначение.

– Знать бы, в чем оно заключается... – Оратор нахмурился – пожалуй, впервые за долгие дни пути.

– Вот у него и спросишь. У нашего несчастного друга большой пророческий дар... за что, собственно говоря, он и страдает.

– Погоди... – Оратор озадаченно уставился на мыслителя. – Или я что-то не понял или... Пророческий дар ни в коей мере не нарушает Закон. Это общеизвестно.

– Верно. Но одно дело – пророчествовать судьбу простолюдину, а совсем другое – кому-нибудь из Посвященных.

– Теперь до меня дошло. Мне ли не знать, как сильные мира сего относятся к дурным пророчествам... – Оратор стал совсем мрачным.

– Я всегда говорил тебе – прикуси свой невоздержанный язык. Иначе тебя может постигнуть не менее горькая участь, чем нашего друга. – С этими словами Мыслитель вдруг придержал своего коня и с неожиданной для его преклонного возраста молодой прытью соскочил на землю. – Есть предложение немного подкрепиться. Думаю, что до места мы доберемся не раньше вечера, а сейчас обеденное время.

– Не возражаю...

Пустив коней пастись, путники расстелили крохотный коврик из узорчатой тонкой ткани, напоминающей современную камку, и разложили на нем снедь. Она была простая и сытная: добрый кусок вяленой говядины, два ячменных хлебца, соленые оливки, копченый сыр и пиво, хранившееся в бурдюке.

Древнее пиво вряд ли понравилось бы современным людям, ведь это был не столько напиток, сколько еда. В те давние времена пиво изготавливалось без применения хмеля и представляло собой слегка процеженную хлебную массу. Проще говоря, это был перебродивший хлебный квас. Тем не менее популярность хмельной еды-напитка была высока. В одном из древних манускриптов при описании личных качеств мудреца, помимо его знаний и мудрости, говорилось о том, сколько пива он мог съесть. Именно съесть, а не выпить.

– Хорошо-то как... Красиво... Ты только посмотри! – Лежавший на левом боку Оратор указал на темно-синее море в белых барашках волн, которое плескалось далеко внизу.

– Лучше подумай, как будем отбиваться, – ответил Мыслитель и встал.

– Ты о чем?

– О том, что нас окружает ватага разбойников.

– Где они? Я не вижу.

– А мне видеть их не обязательно. Воздух сгустился и стал отсвечивать фиолетовым светом.

– Теперь и я слышу тяжелое дыхание и шорох листвы под ногами... – Оратор, который прислушивался, вытянув шею, последовал примеру Мыслителя – быстро вскочил на ноги и взялся за рукоять меча. – Может, это не разбойники? – Он все еще сомневался.

– Что делать мирному человеку в этих скалах? Охотиться здесь не на кого, разве что на горных баранов, но мы видели их только раз, потому что они пасутся на высокогорных лугах, гораздо выше этого плато. Наверное, тропа ведет в какое-нибудь горное селение, и лихие люди из прибрежных племен решили совершить набег на горцев, чтобы добыть рабов. Рабы нынче в цене... – Мыслитель кисло pokrивился.

– Скорее всего, так оно и есть, – согласился Оратор со своим старшим товарищем.

– А коли так, то у тебя есть шанс применить свои познания в магических науках. Рассей эту разбойничью свору...

только без членовредительства!

– Экий ты непротивленец... – несколько нервно хохотнул Оратор. – У меня есть другое предложение. Я, знаешь ли, немного засиделся в седле. Все тело ломит. Поэтому небольшая драчка пойдет мне только на пользу – как урок гимнастики. Ты не возражаешь?

– Что ж, в твоих словах есть рациональное зерно, – улыбнулся Мыслитель – пожалуй, впервые за весь день. – Придет-ся и мне потряхнуть стариной. Только чур не рубить насмерть! Не мы им дали жизнь и не нам ее отбирать.

С этими словами он засунул руку за пазуху и достал оттуда крест из голубовато-серебристого металла в виде буквы «Т» с большой круглой петлей сверху; он висел на прочной цепочке, звенья которой – листья и крохотные яблочки – выковал и прочеканил очень искусный кузнец. Это был так называемый анк⁴. Ту же процедуру проделал и Оратор; у него был такой же крест, но поменьше размером, а звенья цепи были в виде дубовых листьев и желудей.

– Начнем? – спросил Оратор немного изменившимся голосом; похоже, он сильно волновался.

– Начнем... – ответил Мыслитель.

⁴ Анк – наиболее древний крест; изображения анка встречаются в гробницах египетских фараонов – египтяне считали этот символ ключом в загробный мир. Он заключал в себе идею бессмертия, соединяя два знака: крест – символ жизни, и круг – символ вечности. Анк также символизировал союз Исиды и Осириса, земли и неба, объединение мужского и женского начал, служил обозначением мудрости.

И на плато неожиданно воцарилась удивительная тишина. Казалось, что даже легкий ветерок, который гулял по густой зеленой траве, почти сплошь покрытой цветочным ковром, улетел к заснеженным горным вершинам. Мыслитель и Оратор, закрыв глаза и держа в руках кресты на уровне груди, медитировали. Они словно превратились в статуи, только их губы едва шевелились – тихо нашептывали какие-то заклинания.

Спустя какое-то время кресты в их руках засияли. Исходившее от анков голубоватое свечение на мгновение окутало фигуры медитирующих путешественников с головы до ног и так же быстро исчезло. Оратор спрятал свой анк за пазуху и облегченно вздохнул.

– Мне уже не раз приходилось пользоваться Животворящим Огнем, а все никак не могу привыкнуть, – сказал он, смахивая со лба капельки пота. – Такое впечатление, что меня сначала окунули в прорубь, а потом в кипяток. А, вот и наши незваные гости! – воскликнул он, указав на огромный дуб-патриарх, под сенью которого, в тени, началось какое-то шевеление.

Поняв, что их присутствие раскрыто и таиться нет смысла, разбойники с дикими воплями вскарабкались по осыпи на плато и окружили путешественников. Наверное, их немного смутило удивительное спокойствие предполагаемой добычи, потому что они не набросились на путников сходу. Не пустили разбойники в ход и луки; зачем портить дорогой то-

вар? Рабы-чужестранцы на невольничьих рынках ценились гораздо выше пленников из местных племен.

– Это колхи⁵, выходцы из Айгюптоса⁶, – спокойно констатировал Мыслитель. – Внуки воинов, дезертировавших из армии Рамсеса II во время его похода против хеттов⁷.

Почти все разбойники, окружившие путешественников, имели темный цвет кожи и черные курчавые волосы. Но одежды они были уже не в набедренные повязки, как их предки, а в рубахи и шаровары; все-таки горы Кавказа, где выпадает снег, – это не берега Нила, где всегда тепло.

Что касается вооружения колхов, то в этом плане ватага была просто ходячим музеем оружия. Весьма прочные железные мечи хеттов без гард – с расширением клинка до рукояти, похоже, ценились у разбойников очень высоко; Оратор насчитал их всего-навсего два, причем один хеттский меч принадлежал предводителю разбойников. Больше было серповидных египетских мечей и акинаков. Кроме того, разбойник с бельмом на правом глазу держал в руках махай-

⁵ Колхи – собирательное название древнегрузинских племен, занимавших территорию юго-восточного и восточного Причерноморья. По наименованию этого племени древние греки с I тыс. до н. э. называли Западную Грузию Колхидой.

⁶ Айгюптос – Египет (др. – греч.).

⁷ Хетты – термин из греческого перевода Ветхого Завета; условное наименование индоевропейского народа, проживавшего во II тыс. до н. э. в центральной Анатолии, а также, в более широком смысле, всех жителей Хеттского царства (древнего государства в Малой Азии в XVIII – нач. XII вв. до н. э.) и последующих ново-хеттских царств в юго-восточной Анатолии и Палестине.

ру, несколько его товарищей размахивали боевыми топорами разных форм и размеров, трое были вооружены клевцами, а остальные – увесистыми дубинами и бронзовыми булавами.

Луки и дротики были не во всех; наверное, только у самых метких. А панцирей и щитов вообще не наблюдалось. Оно и понятно – лазать по скалам гораздо сподручней налегке. Тем более, что ватага была многочисленной и брала добычу не длительной осадой, а быстрым пиратским наскоком, с засады, – чтобы противник не успел опомниться.

Оратор немного подивился такому изобилию холодного оружия – мечи, особенно железные, в ту пору ценились очень высоко и их могли позволить себе только побывавшие во многих походах воины-ветераны и знать. Но потом, по здравому размышлению, он сообразил, что все эти клинки разбойники добыли в набегах, воровским способом.

– Сдавайтесь, иначе умрете! – прокаркал предводитель разбойников; как и следовало ожидать, он говорил на испорченном местными наречиями языке египтян.

Разбойники, дожидавшиеся команды к нападению, были несколько озадачены, услышав слова своего вожака. Им даже на мгновение показалось, что он побаивается чужестранцев. Но эта мысль мелькнула лишь у некоторых колхов; у остальных заостеневшие мозги не утруждали хозяев лишними эмоциями и разумными мыслями.

В отличие от своих подручных предводитель разбойников

был опытен и где-то даже мудр. Ему очень не понравилось потрясающее спокойствие предполагаемых жертв. Ведь надеяться при таком численном перевесе им было не на что. И вожак на какой-то миг заколебался. Путники были гораздо крупнее и массивнее колхов, и в том, как они приготовились к бою, явно чувствовалась отменная выучка бывалых воинов. Уж не боги ли это? При всей своей кровожадной сущности разбойники-колхи были очень суеверны.

– У меня есть другое предложение, – довольно миролюбиво ответил атаману Мыслитель на древнеегипетском языке. – Здесь золото, – он показал разбойникам кожаный мешочек, – это наш выкуп. Мы едем дальше, а вы спуститесь вниз, в свое селение, и отметите удачу хорошим пиром. Всем нам будет выгодна такая сделка: мы избавимся от лишнего груза, а вы сохраните свои жизни.

Услышав слова Мыслителя, разбойники дружно заржали. Они даже не допускали мысли, что седой старик, пусть и бывалый воин, может быть опасен. Только атаман вдруг почувствовал неприятный холодок в груди – предвестник страха. Ему вдруг захотелось воспользоваться разумным советом седобородого путника. Но он не мог, не имел права уронить свой престиж в глазах буйной ватаги. А потому предводитель разбойников, цинично ухмыльнувшись, сказал:

– Нам твоя подачка не нужна. Нам нужно всё – вы сами, ваш груз и лошади. Вперед! – скомандовал он своим подручным, решив, что дальнейшие переговоры бессмысленны.

– Если боги хотят кого-нибудь наказать, они прежде лишают его разума, – успел прокомментировать действия атamana Оратор, прежде чем его длинный меч опустился плашмя на голову одного из разбойников.

Он это сделал так молниеносно, что никто ничего не понял. А затем завертелась битва. Подстегиваемые алчностью – мешочек золота в этих края был баснословной ценностью, не говоря уже о лошадях – разбойники бросились на путников скопом, мешая друг другу. В запале схватки первое время они не замечали, что путешественники-иноземцы играют с ними, как с детьми.

Вот Оратор ловким движением перехватил руку с булавой кряжистого колха со шрамом на левой щеке и страшным по силе ударом в челюсть отправил его в нокаут; при этом бедняга откатился от общей группы метров на семь. Тут же Мыслитель, у которого махайра превратилась в сверкающий круг, так быстро он ею орудовал, за секунду успел выбить из рук двух разбойников акинаки и швырнуть одного из них через себя, как куль с мукой.

Казалось, что сила и выносливость путников безграничны. Они даже не вспотели. Мало того, Оратор, ловко орудуя то мечом, то кулаком, еще и посмеивался, будто не понимал, что над ним нависла смертельная опасность. Что касается Мыслителя, то он все проделывал обстоятельно, можно сказать, с душой, притом со спокойным выражением лица, – седобородый путешественник укладывал разбойников

на землю одного за другим, как земледелец пшеничные снопы. При этом было видно, что Мыслитель, в отличие от Оратора, немного придерживает руку. В противном случае многие из разбойников уже отправились бы в иной мир.

Истина открылась колхам, когда на ногах остался лишь атаман и еще трое-четверо разбойников. Предводитель был ошарашен. Таких сильных и выносливых воинов ему еще не приходилось встречать. Отскочив на безопасное расстояние, он хриплым от напряжения голосом скомандовал:

– Луки!..

Но единственный из оставшихся лучников, который во время схватки как-то умудрялся пасти задних, даже не успел прицелиться. Звонко тренькнула тетива, и колх, вскрикнув от боли, уронил лук на землю – стрела Оратора пронзила ему правое предплечье. Когда он успел достать лук из горита, лежавшего возле коврика с остатками еды, и выстрелить, никто так и не понял.

– Не балуйте! – внушительно сказал Мыслитель. – Может, прекратим нашу «теплую беседу» и разойдемся с миром?

– М-м... – промычал атаман, тараща на него налитые кровью белки глаз. – Мы согласны. А как насчет... выкупа?

– Ну наглец... – Оратор расхохотался. – Подойди ко мне, я сейчас выпишу тебе выкуп. От всей души.

С этими словами он сунул меч в ножны, поплевал на ладони и сжал кулаки. Несмотря на то, что Оратор говорил на незнакомом предводителю разбойников языке, он все понял.

И тут же отскочил на два шага назад, словно увидел перед собой изготовившуюся к броску змею.

– Я всегда говорил, что палка в обучении гораздо эффективнее красноречивых нравоучений, – сказал Оратор, обращаясь к Мыслителю. – Знание нерадивым ученикам (а тем более, почтение к педагогу) нужно вбивать в башку розгами по всем мягким местам, иначе их не пронять.

– Почему бы тебе этот метод не применить к своему корольку? – не без ехидства ответил ему Мыслитель.

Оратор помрачнел и сделал вид, что поправляет одежду. Мыслитель снисходительно улыбнулся и сказал, обращаясь к атаману разбойников:

– Забирай своих людей и проваливай по-добру, по-здорову. И чтобы мы вас больше никогда не видели. Иначе в следующий раз нам придется сложить из ваших тел гекатомбу⁸ и отправить вместе с дымом к праотцам.

Совсем потерявший голову атаман не посмел перечить. Мало того, он даже поклонился «добрым» господам. Старый разбойник теперь ни на йоту не сомневался, что перед ним сами боги или богоравные герои.

Через несколько минут плато опустело. Некоторые разбойники ушли своим ходом, ахая и охая от сильных ушибов, а кое-кого им пришлось тащить на руках.

– А что, – весело сказал Оратор, – неплохо отдохнули! Теперь я готов подняться на самую высокую вершину, как

⁸ Гекатомба – жертвоприношение.

бы ни было трудно. Тело поет, душа радуется...

– На вершину подниматься тебе не придется, – вдруг раздался чей-то сильный, как раскат молодого весеннего грома, бас.

Путники невольно вздрогнули и обратили свои взоры на тропу. К ним приближался огромного роста мужчина в одной набедренной повязке. Его рельефные мышцы играли под смуглой кожей, словно живые, длинные курчавые волосы были слегка тронуты сединой, а большие, широко открытые глаза великана цвета светлого янтаря казались сгустками солнечной плазмы, так ярко они светились.

– Прометей! – в один голос радостно воскликнули путешественники.

– А то кто же...

Они по очереди обнялись. Мыслитель от радости даже прослезился. А Оратор спросил не без удивления:

– Разве с тебя уже сняли оковы?

Громкий хохот Прометея всколыхнул горы; где-то неподалеку послышался шум камнепада.

– Ах, Мерлин⁹, какой ты наивный... – ответил он. – Впрочем, это скоро пройдет. Ты еще так молод... Разве тебе неизвестно, что для Посвященных существует лишь одно наказание – превращение их в простых смертных. Все мы долгожи-

⁹ Мерлин – мудрец и волшебник кельтских мифов, наставник и помощник короля Артура, а до того – его отца Утера.

тели, чему способствуют молодильные яблоки Гесперид¹⁰. А оковы – это для легенд и сказаний.

– Но ведь все знают, что сам Гефест¹¹ сделал очень прочные цепи и приковал тебя к скале! Многие видели... – не сдавался Мерлин.

– Ну да, видели. Как сопровождавший меня в изгнание Гефест грузил на корабль свои железяки, чтобы продать их в этих диких краях подороже. Здесь железо в большой цене и за него платят золотом. А отличного вина в этих краях – хоть залейся. И стоит оно едва не дешевле родниковой воды. Мы с Гефестом почти год кутили на природе – согласитесь, здесь чудесные места! – пока за ним не примчался сам Гермес¹².

– Все это так, – вступил в разговор и Мыслитель. – Но, насколько я знаю, сад Гесперид находится не здесь, а в Рифейских горах¹³. То есть ты не можешь поддерживать свое долголетие, вкушая плоды чудо-яблони...

¹⁰ Геспериды – дочери Вечерней Зари и Ночи, охраняющие молодильные яблоки (их еще называют золотыми).

¹¹ Гефест – бог огня, покровитель кузнечного ремесла и сам искусный кузнец; изображался могучим и широкоплечим, но некрасивым и хромым на обе ноги.

¹² Гермес – бог торговли, прибыли, интеллекта, ловкости, обмана, воровства и красноречия, дающий богатство и доход в торговле; покровитель глашатаев, послов, пастухов и путников; покровитель магии и астрологии. Посланник богов и проводник душ умерших в подземное царство.

¹³ Рифейские (Рипейские) горы – в античной географии название северных гор на краю Скифии. Географическая локализация Рифейских гор вызывает споры; многие ученые предполагают, что под Рифейскими подразумевались Уральские горы.

Прометей снова рассмеялся и обнял Мыслителя.

– Ты один из старейших Посвященных, Абарис¹⁴. Ты великий ученый и просветитель. Неужто забыл, что яблоня начинается из зернышка? Чтобы вырастить сад, требуется лишь соответствующий уход, мягкий климат, а также много времени, каждодневный труд и настойчивость. Несколько зернышек молодых яблок я припрятал в набедренной повязке, земля и климат здесь просто райские, а свободного времени у меня хоть отбавляй.

– Хочешь сказать, что в горах Кавказа ты вырастил сад Гесперид?! – удивлению Абариса не было границ.

– Представь себе. Скоро увидите его воочию. Только чур никому! В особенности нашим «небожителям». Иначе они могут от зависти наслать на Кавказ саранчу или пригонят в море холодное океаническое течение, чтобы зима была круглый год. Собирайтесь и пойдемте. Тут уже недалеко. Коней придется оставить. Пусть пасутся. Не волнуйтесь, их не уворуют, за ними присмотрят ореады¹⁵. Они уже здесь, таятся в кустах. Очень большие скромницы... – Эти слова Прометей произнес не без сожаления.

Оказалось, что путники расположились на привал рядом

¹⁴ Абарис – по происхождению гипербореец; прорицатель, ученый, мудрец. Жил в Скифии, куда перебрался после гибели Гипербореи; мог долго обходиться без пищи и летал на волшебной стреле, подаренной ему Аполлоном. Пифагорейцы называли Абариса «Воздухошествующим». О нем упоминали Геродот и Платон.

¹⁵ Ореады – в древнегреческой мифологии нимфы гор.

с жилищем Прометея. Только оно находилось на верхнем плато, окруженном неприступными скалами. Даже опытный скалолаз не смог бы сюда забраться. Когда Прометей показал гостям тайную тропу к своей обители, они наконец поняли, почему им пришлось оставить коней внизу – тропа сначала завернула в узкое извилистое ущелье, а затем и вовсе нырнула в пещерный лабиринт, откуда без помощи знающего человека невозможно было найти выход.

Поднявшись на плато, где долгие годы жил изгнанник, Абарис и Мерлин невольно ахнули. Плато было пошире, чем то, где они полдничали. И трава на нем была другая – изумрудно-зеленая, невысокая, но густая и шелковистая, как ковер. Прометей построил удивительно симпатичный деревянный домик, вокруг которого разбил сад из разнообразных фруктовых деревьев и цветники. С одной стороны домика изливался небольшой водопад, падая в резную каменную чашу, а с другой, сразу за садом, находилась мастерская-кузница, за которой просматривались грядки. Возле мастерской находился большой очаг, сложенный из дикого камня.

Перед домиком Прометей построил просторную беседку под крышей из теса. Ее ажурные стены были увиты виноградной лозой, а несколько розовых деревьев, посаженных рядышком, источали дивный аромат. Внутри беседки находился большой стол и скамьи. Посреди стола стояла ваза с цветами, сработанная из цельного куса горного хрусталя, а рядом с ней лежали пергаментные свитки.

– А вот и мой сад с молодильными яблоками, – благодушно улыбаясь, указал своей могучей рукой Прометей. – Они вот-вот созреют. В отличие от яблонь из сада Гесперид, мои деревья плодоносят практически круглый год. Мне удалось растянуть вегетативный период. Как видишь, Абарис, здесь есть и цветы, и завязь, и уже вполне сформировавшиеся плоды.

– Ты всегда отличался нестандартным мышлением и способностью находить в обыденности что-то новое, необычное, – ответил восхищенный Абарис; будучи великим ученым и просветителем, он прекрасно понимал, сколько трудов стоило Прометею вырастить чудесный сад Гесперид на земле Кавказа.

Яблоньки оказались на удивление низкорослыми. Их ветви свисали вниз, как у плакучей ивы. Но окраска ветвей была не зеленой или коричневатой, а желто-золотистой. Такими же были и крупные цветы, собранные в соцветья. Созревающие яблоки – по крайней мере те, что видели гости Прометея, – своим цветом напоминали чистый пчелиный воск. При ближайшем рассмотрении оказалось, что они полупрозрачны; внутри яблок видны были даже темные семена-косточки. Кожица яблок тоже была необычной – шершавая, в мелких зазубринках и насечках. Над садом витал удивительно приятный и сильный аромат, не похожий ни на какой другой.

– Увы, други мои, несмотря на мой дар предвидения, я вас не ждал, – сказал Прометей. – А потому вам придется до-

вольствоваться вином и фруктами, пока я не приготовлю достойное угощение. Вон там мой сосуд для омовения, – смеясь, указал он на водопад. – Вода немного холодноватая, но я уже привык. Зато она бодрит и дарит отличное настроение.

– Скажи, Прометей, – наконец осмелился Мерлин задать вопрос, который давно вертелся у него на кончике языка, – а где тот огромный орел, который терзает тебя каждый день? Или это вымысел?

Гроыхнувший грозным раскатом смех Прометея вызвал многократное эхо. Насмеявшись вдоволь, он хитро сощурился и ответил:

– Нет, не вымысел. Будет вам и орел... – Тут он поднял голову к безоблачному небу, присмотрелся и воскликнул: – А вот и он!

Абарис и Мерлин дружно взглянули на ту точку небесного купола, куда указывал Прометей, и невольно втянули головы в плечи – прямо на них пикировал невероятных размеров орел! Он распрямил свои широкие крылья почти возле самой земли, что задержало его стремительное падение, и испуганные гости Прометея увидели, что орел держит в когтях горного барана.

Орел сел на лужайку перед жилищем Прометея почти неслышно, лишь воздушная волна от этого приземления едва не сшибла с ног и Абариса, и Мерлина. Ростом огромная птица была по грудь Прометею. Он подошел к орлу и ласково погладил его по голове.

– Умница, умница... Хороший мальчик... Спасибо тебе. А вот и подарок к нашему пиршественному столу, други мои, – сказал Прометей, обращаясь к своим гостям.

Он легко поднял одной рукой тяжелую баранью тушу и понес ее к очагу...

На столе не было только птичьего молока. По крайней мере, так думали путешественники, изрядно стосковавшиеся за время длинного пути на Кавказ по хорошо приготовленной домашней пище. Запеченная на костре баранина, жареная форель, козий сыр, белые и пышные, как тело красавицы-северянки, свежие хлебцы, соленые маслины, отсвечивающий червонным золотом горный мед в глубокой миске, в большой керамической вазе гроздья винограда, фиги, яблоки, абрикосы и еще какие-то незнакомые даже понимающему толк в садоводстве Абарису фрукты, несколько разновидностей соусов, из овощей египетская редька (скорее всего, завезенная в эти края предками колхов), перья зеленого лука и чеснока, пряная зелень... и много разных вин.

Когда все уселись в беседке за накрытый стол, солнце уже клонилось к горизонту. Оно покрасило заснеженные вершины в розовый цвет и набросило на ущелья и долины полупрозрачную дымчатую вуаль. Вокруг царила благословенная тишина, которую нарушало лишь тихое жужжанье пчел и шмелей. Они хлопотливо опыляли цветущий сад Гесперид и торопились в свои ульи с полным грузом животворящей пыльцы, чтобы успеть до заката прилететь сюда еще раз.

– Я подобрал его, когда он выпал из гнезда, – рассказывал Прометей, бросая орлу загодя припасенные куски свежего мяса. – Выходил, вырастил... Почему такой огромный? – Титан улыбнулся. – Все очень просто – я добавлял ему в пищу кое-какие вещества, стимулирующие рост. Вот он и вымахал... Но теперь пришла пора подумать над тем, как подобрать (а значит, вырастить) этому здоровяку пару. Задача не из легких... А что касается легенды, будто орел клюет мою печень, так ее придумали люди с хорошо развитым воображением. Я на них не в обиде. Пусть будет так.

– Откуда у тебя все эти продукты? – спросил Абарис, указав на стол.

– Кое-что из моего сада-огорода, разную дичь – барана ты сам видел – добывает орел, иногда я сам охочусь, а что касается остального провианта, то это жертвоприношения... – Тут Прометей улыбнулся с хитринкой. – Жрецы местных племен в мою честь организовали в Священной роще (так они ее называли) что-то вроде святилища и раз в неделю приносят туда все, что мне необходимо. А чтобы не выглядеть в их глазах плутом и попрошайкой, я время от времени подкладываю в святилище собственноручно выкованные мечи и лабрисы¹⁶. Это моя плата за продукты. Хитрые жрецы считают это оружие божественным и одаривают им только вождей и самых храбрых воинов. По правде сказать, мечи у меня получаются и впрямь очень даже ничего...

¹⁶ Лабрис – двусторонний боевой топор, считавшийся атрибутом Зевса.

– Кто бы в этом сомневался... – Мерлин коротко хохотнул. – А одиночество тебя не гложет?

– Как тебе сказать... В общем, я уже привык. Но не так уж я и одинок. Иногда ко мне заглядывает на огонек старик Океанос¹⁷, нередко бывают и его океаниды¹⁸... – Тут Прометей загадочно ухмыльнулся. – Так что я не обделен и женским вниманием...

Когда от барана остались лишь грудa костей и половина кувшинов с вином показала дно, Абарис, немного помявшись, спросил:

– Зачем ты подарил свой Большой Анк простым людям? Ведь он обладает огромной силой и по Закону им могут пользоваться только Посвященные. В противном случае может приключиться большая беда.

Прометей задумчиво посмотрел на небо, где уже появилась луна, немного помедлил, а затем ответил:

– Задай этот вопрос Дий¹⁹, я бы не удивился. У него лишь одно на уме – власть над племенами и народами Гайи²⁰. Власть в любой форме, которая нередко перерастает в тиранию в зависимости от его настроения или прихоти кого-нибудь из приближенных к нему Высших Посвященных. Но

¹⁷ Океанос – один из древнегреческих титанов, детей Урана и Геи.

¹⁸ Океаниды – в древнегреческой мифологии нимфы, три тысячи дочерей титана Океаноса.

¹⁹ Дий – Зевс; в древнегреческой мифологии бог неба, грома и молний, ведающий всем миром.

²⁰ Гайя – планета Земля.

ты-то, Абарис, великий просветитель и знаменитый ученый, по идее, должен знать ответ на этот вопрос. Молва гласит, что я выкрал священный огонь из кузницы Гефеста и подарил его людям. Чушь! Огонь существует на Гайе со дня ее сотворения. Мыслящие существа научились пользоваться огнем в незапамятные времена, когда не было ни богов, ни Посвященных.

Титан одним махом осушил вместительную чашу с вином и продолжил:

– Анк наделяет человека другим огнем – внутренним. Вы это знаете. Он невидим и неосязаем. Этот Священный Огонь дает людям огромную внутреннюю силу, уверенность в своих действиях, бесстрашие и неутомимость в бою. К сожалению, еще не скоро наступят времена, когда люди начнут ковать в кузницах не мечи, а только плуги, бороны и серпы...

– Но почему тогда, мой друг, ты отдал свой Анк подопечным мне племенам скотов, почему выбрал из всех земных племен именно их? – продолжал допытываться Абарис.

– Потому что они свободны от большинства предрассудков, присущих другим народам, – ответил титан. – Ты многому их научил... Скоты многочисленны, они смелые, свободолюбивые люди, которые по своей сущности не могут быть рабами. И потом, в их жилах течет кровь атлантов. Да, пока скоты дикие, или, скажем так, мало цивилизованны, но со временем из них выйдет народ, которому спустя тысячелетия суждено стать стержнем новой цивилизации. Вот и

вся разгадка моего поступка. Дий сослал меня в эти края не потому, что я отдал свой Анк простым людям, а в большей мере из-за того, что для скотов наш верховный владыка не является авторитетом, потому как у них другие боги.

– Дий настаивает, чтобы ты забрал у скотов свой Большой Анк... – не глядя на Прометея, сказал Абарис.

– Так вот, значит, с какой целью вас занесло на Кавказ...

– Да, – не стал отпираться Абарис. – И не только, если честно. Нам очень хотелось, во-первых, встретиться с тобой, а во-вторых, посмотреть на мир. И я, и Мерлин уже засиделись на месте. Его держит король Утар, которому он обязан служить, а меня – мои алхимические исследования. Поэтому мы были очень рады, получив распоряжение синклита Посвященных, оправиться на Кавказ.

– Боюсь, мне придется вас огорчить. Анк останется у скотов. Навсегда! Это мое твердое слово и окончательное решение.

– Но Дий сбросит тебя в Тартар! – ужаснулся Абарис.

Прометея разобрал смех. Друзья смотрели на него с удивлением, не в состоянии понять, что так развеселило титана.

– Вы имеете представление, что такое Тартар? – смеясь, спросил Прометей. – Я понимаю, вам наговорили всякой всячины: что это темная бездна, что это ад, что Тартар окружен тройным слоем мрака и железной стеной с железными воротами... Это все сказки для маленьких детей! Тартар –

северная часть Ойкумены²¹, будущая страна Тартария²², где длинные и холодные зимы. Но там бывает и весна, и теплое лето, и щедрая золотая осень, там произрастают яблони, сливы, груши, многие огородные культуры, колосятся пшеница и ячмень... А сколько в Тартаре разнообразной дичи, рыбы. Должен вам сказать, друзья, что старый и наивный добряк Кронос, которого Дий свергнул с трона предводителя Посвященных и отправил в Тартар вместе с моими братьями-титанами, очень даже неплохо там устроился. Живет и не тужит. Так что я с удовольствием съезжу к нему в гости. Давно мечтал его повидать, но не хотелось лишний раз злить Дия. Мне ведь приказано с Кавказа никуда ни ногой.

– Ну, если так... – обронил Абарис и погрузился в думы.

Что касается молодого и беззаботного Мерлина, то под действием винных паров он уже и думать забыл о поручении синклита Посвященных; маг и волшебник короля Утара, воспитатель его наследника Артура, будущего предводителя рыцарей Круглого Стола, наслаждался ночной прохладой, запахами сада Гесперид, которые к ночи значительно усилились, и вкусом отменного виноградного вина.

Прометей закрыл глаза. Словно сильный вихрь подхватил титана и понес его сначала над горами Кавказа, а потом и над

²¹ Ойкумена – населенная часть Земли.

²² Тартария – будущая Российская империя; согласно карте, изготовленной в Париже в 1670 году, Великая Тартария включала в себя, кроме собственно Российской империи, Китай и Индию.

бескрайними степными просторами, хотя его мощное мускулистое тело по-прежнему находилось в беседке, которую он построил своими руками. Вскоре с высоты орлиного полета Прометей увидел посреди степи многочисленные костры и начал снижаться.

Вокруг огненного кольца из девяти костров сидели воины-сколоты в полном боевом облачении; их было очень много. Похоже, намечался очередной военный поход. А в центре круга, на высоком гранитном камне, лежал Большой Анк титана. Возле него хлопотали жрецы в длинных одеждах. В руках они держали связки прутьев и бормотали какие-то заклинания. Прометей не слышал, что говорят жрецы-прорицатели сколотов, но ему были хорошо известны слова заклинаний, потому как он сам их и придумал – для того, чтобы заставить Анк функционировать.

Титан с удовлетворением наблюдал, как энергетические волны, расходясь от Большого Анка, словно круги от брошенного в воду камня, вливались в сердца воинов. Сколоты не могли этого видеть – только чувствовали. Вскоре в глазах воинов загорелись огоньки, и дикий воинский клич «Вайу!!!²³ Вайу!!! Вайу!!!» пронесся над степью. Вспомнив Дия, Прометей с мстительным чувством рассмеялся, от чего над степью загрохотал гром, и его эфирная сущность верну-

²³ Вайу – бог войны у скифов-сколотов и их воинский клич. Жертвенником Вайу служил меч, воткнутый в кучу хвороста; ему приносились человеческие жертвы – захваченных в плен врагов.

лась в бесчувственное тело. Весь полет титана, похожий на сновидение, продолжался считанные секунды.

Сидя под крышей беседки, он не мог видеть, как звезды над Кавказом на некоторое время сбились в кучу, будто черную небесную скатерть скомкала чья-то могучая длань. Однако спустя некоторое время все стало на свои места. Лишь на другой стороне Гайи, в безлюдных горах, случилось страшное землетрясение. Но только жители Олимпа – Посвященные – могли с трепетом наблюдать, как Дий, разъяренный непослушанием Прометея, раз за разом мечет в землю огромные молнии, руша скалы и обращая течение рек вспять.

Глава 1

Глеб Тихомиров, кандидат исторических наук и весьма известный в достаточно узком кругу «черных» археологов искатель древностей, откровенно скучал. Он сидел в своем доме на втором этаже перед компьютером и от нечего делать не очень внимательно читал статейку какого-то дилетанта и фантазера, в которой говорилось, что мифы древних греков на самом деле являются устным пересказом событий, случившихся в доисторические времена. За прошедшие тысячелетия живые личности Древнего мира превратились в легендарных героев, а кое-кого из них человеческая молва даже обожествила. Автор статьи пытался обосновать свои выводы, но эти обоснования больше напоминали манипуляции фокусника, нежели серьезный анализ специалиста.

«Может, это и так, – со скепсисом думал Глеб, – возможно, этот курилка где-то прав, да вот только нам-то что от этого?» Под выражением «нам» он понимал собратьев по тайному и не очень законному ремеслу самодеятельных археологов. Ни самому Глебу, ни его предкам (а все они с деда-прадеда были кладоискателями) ни разу не выпала удача найти хоть что-нибудь стоящее, относящееся к глубокой древности.

Весь клан Тихомировых, с деда-прадеда, дико завидовал своему «коллеге», счастливчику Генриху Шлиману, отыс-

кавшему золото Трои. И все пытались повторить его подвиг. Но не так уж много насчитывалось в человеческой истории богатых государств и городов, а те, что существовали в древние века, давно превратились в пыль. В лучшем случае от них остались камни, а золото и драгоценности были переданы неумолимой историей, как эстафета, другим племенам и народам.

Чего стоит только одна страница исторических хроник, где рассказывается, как испанские конкистадоры завоевали южно-американские государства ацтеков и майя. Уникальные изделия индейцев были переплавлены в золотые брусочки, а все то, что не представляло ценности в глазах «великих цивилизаторов», было предано огню.

«Не позвонить ли бате? – Глеб откинулся на спинку кресла и потянулся, словно кот на завалинке. – Обещался приехать еще на той неделе, да все никак. Дался ему этот Лондон...»

Тихомиров-старший, доктор исторических наук и большой дока по части оценки археологических раритетов, время от времени консультировал лондонский аукционный дом «Сотбис». Он был очень авторитетным специалистом с мировым именем по древностям. Кроме того, Николай Данилович (так звали Тихомирова-старшего) читал лекции по археологии в Сорбонне, а также кропал умные книжки.

В отличие от отца, Глеб не имел ни малейшего желания корпеть за письменным столом или преподавать на кафедре.

Его стихией была работа в «поле», нередко сопряженная с большим риском для жизни. Короче говоря, по натуре Глеб был авантюристом. Поэтому он чувствовал себя не в своей тарелке, когда на примете не имелось ни единого стоящего объекта для раскопок. Как в данный момент.

Тихомиров-младший уже намеревался отправиться на кухню, чтобы заварить крепкий чай, – с непривычки после трехчасовых бдений за компьютером его начало неудержимо клонить ко сну – но тут взгляд Глеба остановился на большом плоском экране, висевшем на стене кабинета справа от письменного стола; по левой стороне высились книжные шкафы со специальной литературой по истории и археологии. (Дом Тихомировых был построен в центральном районе города, обнесен высоким забором и оснащен первоклассной сигнализацией, а также видеокамерами наружного наблюдения.)

То, что Глеб увидел на экране, шокировало молодого человека. Одна из видеок картинок показывала участок перед воротами – неширокую площадку, вымощенную тротуарной плиткой, въезд во двор. И на этой площадке разыгрывалась, как на театральных подмостках, настоящая трагедия – один человек убивал другого. Остолбеневший Глеб видел, как лохматый мужик наносил удары ножом своей жертве, которая пыталась защищаться, выставляя перед собой небольшую дорожную сумку.

Опомнившись, Тихомиров-младший подбежал к пульту,

находившемся рядом с экраном, и ударил ладонью по напоминающей шляпку гриба большой красной кнопке, включившей ревун. Тут же на улице замигали огни фонарей и раздался громкий противный вой, словно из преисподней вырвались демоны ада.

Все эти предосторожности – дорогая заграничная система сигнализации, видеокамеры и ревун – не были данью смутному бандитскому времени девяностых прошлого столетия. Тихомировы всегда отличались предусмотрительностью и осторожностью. В их доме определенная категория граждан могла очень даже неплохо пожить. В шкафах, находившихся в кабинете отца и в гостиной, были выставлены бесценные раритеты прошлых эпох, не говоря уже о подвале, похожем на банковский сейф, где хранились золотые и серебряные изделия старинных мастеров.

Похоже, звуки сирены не испугали убийцу. Он лишь перестал орудовать ножом и нагнулся над жертвой, которая упала на землю. Глеб не стал досматривать страшное «кино». Он схватил ружье, стоявшее в шкафу, и, на бегу заряжая его, выскочил сначала во двор, а затем и за ворота. Но убийца уже был далеко; он убежал.

В запале Глеб прицелился, но тут же опустил ружье. Негодяй успел смешаться с прохожими, и стрелять по нему не было никакой возможности. Так же, как и догонять. С виду низкорослый и нескладный, убийца тем не менее бегал как спринтер. Глеб лишь кисло покривился – бег на длинные ди-

станции никогда не был его стихией.

Сокрушенно вздохнув, Тихомиров-младший обратил взор на несчастного, который, похоже, заканчивал свой жизненный путь. Он лежал ничком в луже крови, конвульсивно двигая правой рукой. Глеб осторожно перевернул его на спину и совсем пал духом – ранения, нанесенные неизвестным, были очень опасными. Убийца нанес жертве не менее пяти ран в область живота и в грудь.

Глеб опрометью бросился в дом, выключил сигнализацию и возвратился к воротам со своей походной аптечкой и мобилкой. Первым делом он вызвав «Скорую» и милицию. А затем сделал укол обезболивающего препарата и занялся перевязкой ран. Это Глеб умел делать хорошо. В кочевой жизни «черного» археолога всякое случается. Поэтому минимум медицинских знаний для кладоискателя-энтузиаста просто необходим.

Едва Глеб закончил перевязывать раны, как человек открыл глаза и попытался что-то сказать. Это был худощавый бородатый мужчина лет пятидесяти пяти. Судя по одежде, он явно не был городским жителем. Но что привело его в город и почему на него напали?

«Что он шепчет? Кажись, «двенадцать»... Что такое «двенадцать»? Поди знай... Может, дом номер двенадцать? Но на нашей улице нет жилого дома под таким номером. Непонятно... – думал Глеб, пытаясь прочитать по губам, что хочет сказать несчастный; тот даже не мог шептать, лишь тихо

шипел. – Возможно, это один из «черных» археологов. Пришел, чтобы мы оценили находку. Если это так, то, судя по всему, его добыча имеет большую цену...»

К Тихомировым часто обращались кладоискатели, чтобы кто-то из них – отец или сын – помог в оценке найденных раритетов. Всем было известно, что и Николай Данилович, и Глеб – большие спецы своего дела и никогда не обманывают, в отличие от скупщиков подпольного антиквариата.

Конечно, и у них бывали накладки по части определения первоначальной цены какой-нибудь древней вещицы – это если Тихомировы положили на нее глаз. Тогда начинался длительный торг. Естественно, устоять перед нажимом потомственных кладоискателей, проевших зубы в своем ремесле, «черные» археологи не могли. Но даже в таких случаях они точно знали, что больше за эту находку все равно никто не даст.

Наконец, отчаявшись внятно произнести хоть слово, раненый собрал последние силы и выбросил в сторону правую руку. Ее указательный палец был нацелен на цифры, начертанные кровью на охристо-желтой поверхности тротуарных плиток. Удивленный и озадаченный Глеб еле разобрал эти закорючки, изображенные неверной рукой – «А 274». Что это значит?

Тихомиров-младший перевел взгляд на лицо мужчины и горестно вздохнул. Оно вдруг стало спокойным, отрешенным и мраморно-белым из-за большой потери крови. Ка-

жись, все заботы и проблемы несчастного на этом свете заканчивались. Судя по тому, что пульс уже почти не прощупывается, он вот-вот должен был испустить дух. И как это часто бывает, в аккурат к приезду «Скорой помощи».

Морально опустошенный Глеб отошел в сторону и закурил. При этом его взгляд не отрывался от надписи на тротуарной плитке. И когда из-за поворота показался милицейский микроавтобус с дежурной оперативной группой, он наконец принял решение. На него словно снизошло озарение. Глеб подскочил к надписи и, стараясь не привлекать внимания медиков, колдующих над неизвестным, старательно растер ее подошвой ботинка – так, чтобы она не отличалась от других кровавых пятен, густо испещривших въезд во двор.

С майором из «убойного» отдела Глебу уже приходилось встречаться. Года два назад майор вел одно запутанное дело, связанное с хищением музейных ценностей. Тогда был убит ночной сторож, который, как выяснилось позже, оказался подельником воров. Тихомиров-младший фигурировал в деле сначала как свидетель (он консультировал реставраторов музея и был вхож в запасники), а потом как эксперт.

Майора звали Арсений Павлович и было ему лет пятьдесят. Звезд с неба он не хватал, поэтому в преклонном для мента-оперативника возрасте имел на погонах всего лишь одну звездочку и десяток ранений, которые характеризовали его в первую очередь как храбреца, но способного на спонтанные, непродуманные решения.

Арсений Павлович был общительным, не черствым, что не очень присуще людям его профессии, никогда не козырял своими возможностями и, что удивительно, не брал взятку. Наверное, потому он считался среди ментов белой вороной.

– Ваш клиент? – спросил Арсений Павлович, просветив Глеба своим острым ментовским взглядом-рентгеном.

Он был наслышан, чем занимается клан Тихомировых. Кроме того, Николая Даниловича и Глеба время от времени приглашали в УВД для консультаций на историко-археологические темы. Встречи Тихомировых с милицией особенно участились в последние годы, когда неподалеку от города официальная экспедиция Академии наук нашла несколько захоронений скифской поры и раскопала торжище древних славян. Народ пошел на левый промысел косяками, и многие попадались в сети, расставленные правоохранительными органами.

– Нет, – коротко ответил Глеб.

– Старо предание...

– По крайней мере, мне он не знаком, – на всякий случай уточнил Тихомиров-младший.

– И кто это его так?.. У тебя есть какие-либо соображения на сей счет?

– Соображения отсутствуют. Зато имеется в наличии пленка видеозаписи происшествия.

– Ну?! – оживился Арсений Павлович. – Это уже хорошо. Пойдем, поглядим...

Майору уже приходилось бывать в доме Тихомировых. И в этот раз он признался:

– Как гляну я на вашу хату, так сразу меня жаба начинает душить. Уж извини за правду... Круто живете. Просторно, богато. А я уже который год кантуюсь в двухкомнатной квартире вместе с тещей, женой и дочерью. Иногда домой не хочется возвращаться. Сплю в кабинете, на диване.

– Зато у вас романтика...

– Ты шутишь или серьезно так думаешь? – с подозрением посмотрел на Глеба майор.

– Шучу.

– А-а, ну-ну... Включай свою шарманку...

Арсений Павлович просмотрел запись несколько раз. Он буквально прилип к экрану, чтобы не упустить ни малейшей детали из увиденного. Затем констатировал:

– Убийца – не грабитель, хотя карманы мужика обшарил. В этом я уверен на все сто. Но и не профессионал. Мало того, даже не блатной. Тыкал ножом, как поганая баба вилкой.

– Это хорошо или плохо, что не профессионал?

– Хреново. Он может быть залетной птицей и сейчас уже катит в электричке на запад или на восток. Ищи-свищи ветра в поле... Боюсь, моей «конторе» светит очередной «висяк».

– Но ведь у вас есть такие доказательства...

– Доказательства! – фыркнул майор. – Эту смазанную картинку к делу не пришьешь. Конечно, наши спецы попробуют вытащить его фотку поближе к нормальному размеру, чтобы

размножить и разослать по городам и весям, но могу себе представить ее качество... Ладно, глянем, что там у него в карманах.

Из карманов покойника Арсений Павлович достал перочинный нож, деревянную расческу, носовой платок в зеленую и красную клеточку, немного мелочи и изрядно помятый железнодорожный билет. Он завалился за порванную подкладку пиджака, потому, наверное, покойник и не выбросил его в урну, сойдя с поезда. Какие-либо документы и деньги отсутствовали. Похоже, их забрал убийца вместе с дорожной сумкой, которая служила убитому импровизированным щитом.

– Приехал в город сегодня... три часа назад, – констатировал майор, прочитав надписи на билете. – Издалека. Тебе название Висейки ничего не говорит?

– Впервые слышу.

– Я тоже. Скорее всего, это название железнодорожной станции. Похоже, глушь еще та. Какая нелегкая занесла этого клиента в наши палестины? И к кому он шел? Ты точно его не знаешь?

– Арсений Павлович, зачем мне темнить? Дело ведь нешуточное.

– Это верно. Какие уж тут шутки...

– Я могу лишь посоветовать вам обратить внимание на некоторые детали.

– Ты о чем?

– Нож. Такой теперь можно увидеть только в музее. Раритет. Но в отличной сохранности. Хоть сразу выставляй на аукцион.

– Да? Интересно... Ну-ка, ну-ка, просвети.

– Это швейцарский нож фирмы «Викторинокс», изготовленный в девятнадцатом веке... скорее всего, не позже 1887 года. Нож армейского типа – сначала их поставляли в армию. Этот экземпляр когда-то принадлежал офицеру.

– Почему так думаешь? На нем ведь не написано.

– У моделей, предназначенных для простых солдат, было одно лезвие, пробойник, консервный нож и отвертка. А офицерские ножи дополнительно имели маленькое лезвие и штопор. Как у этого. Господа офицеры, знаете ли, любили веселых дам, которые обожали хорошие вина, а бутылки нужно было чем-то открывать.

– И все-то ты знаешь... – не без зависти сказал майор.

– Это специфика моей работы, – скромно ответил Глеб. – Кто на что учился...

– Верно. Согласен.

– Между прочим, ножами фирмы «Викторинокс» пользуются американские астронавты. Но и это еще не все. Посмотрите внимательно на расческу.

– Смотрю. Ну и что? Деревяшка, она и есть деревяшка.

– Как бы не так... Расческа изготовлена из эбенового дерева, которое, как вам известно, в России не произрастает. Судя по ее состоянию и по форме зубцов, она может быть ро-

весницей перочинному ножу. Но даже это не главное. На рукоятке расчески весьма искусно вырезано изображение анка. Это такой старинный крест. Он известен со времен Древнего Египта. Его называли крестом вечной жизни. Ему поклонялись копты и готы. В настоящее время анк исчез из обихода. Возможно, расческа когда-то принадлежала какому-нибудь сектанту. Не исключено, что и покойник состоит в секте, которая поклоняется анку. Сейчас появилось столько разных сект, что и сосчитать невозможно...

На этом «консультация» закончилась. Подписав свидетельские показания и попрощавшись с Арсением Павловичем, Глеб закрыл калитку на засов и возвратился в дом. Его трясло – он все еще был под впечатлением трагического происшествия. Ему уже приходилось сражаться за свою жизнь с оружием в руках, но наглое убийство среди бела дня, в городе, на достаточно людной улице, практически на виду у всех, взволновало молодого человека до глубины души.

И еще – почему он стер надпись на въезде? Это был спонтанный, неосознанный порыв. словно ему кто-то подсказал на ухо. Хотя, по правде говоря, Глебу и впрямь как будто слышался чей-то голос, приказавший избавиться от надписи. Он не должен был так поступать. Ведь надпись могла быть важной уликой. Получается, что он преступил закон. Почему он так поступил?!

Этот вопрос не давал Глебу покоя. Он сварил кофе, достал бутылку отменного армянского коньяка (подарок от-

цу от друга из Еревана) и выпил первую рюмку ароматного выдержанного напитка, словно водку, одним махом. Коньяк пробежал по жилам потоком горячей лавы и образовал в желудке огненный шар, который не жег, а согревал, будоража воображение и подстегивая мыслительный процесс.

Итак, первое – покойник. На нем одежда сельского жителя. Это и к бабке не ходи. Притом жителя самой, что ни есть, дремучей глубинки. Одни его ботинки чего стоят. Такие хромовые шузы обувные фабрики шили в шестидесятые годы прошлого столетия. Судя по их вполне приличному виду, убитый мужик держал ботинки за выходные и надевал только по праздникам. Или для поездок в город, которые случались не часто.

Второе – борода. Не будь у покойника расчески с изображением анка, можно было предположить, что он старовер. По нынешним временам только староверы носят такие шикарные бородачи и ваххабиты. Но мужик совсем не похож на мусульманина, у него чисто русское лицо. И потом – расческа с изображением креста. Ваххабит даже в руки ее не возьмет.

А покойник, судя по всему, дорожил расческой – держал в специально пришитом к пиджаку внутреннем кармане-чехле с застегивающимся клапаном. Наверное, она служила ему оберегом. Увы, оберегом, не выполнившим своего предназначения...

Итак, резюме: наличие длинной, хорошо ухоженной бро-

ды у покойника еще раз подтверждает, что он не местный, что принадлежит к адептам какой-то веры, скорее всего, связанной с поклонением анку, и что он приехал издалека. Висейки... Где находится эта станция?

Глеб включил компьютер и спустя несколько минут кисло скривился: как он и предполагал, Висейки находились в такой глухомани, что страшно представить. Вокруг станции раскинулись сплошные леса и болота, а несколько близлежащих деревень были расположены вдоль небольшой речушки, огибающей Висейки дугой, и напоминали рассыпавшееся ожерелье, на котором осталось несколько бусинок. От ближайшего города до Висеек Глеб насчитал триста километров. Далековато...

Далее – третье. К кому приехал этот человек? Улица, где проживали Тихомировы, была застроена особняками, в которых обитала почти вся городская чиновная верхушка и богатые бизнесмены. Вряд ли у этих вороватых снобов имелись такие родственники. А если и были, то их и на порог не пускали. С какой стати? Гусь свинье не товарищ, нечего безродной голытьбе топтаться на зеркальном паркете и марать своими ножищами дорогие персидские ковры.

Значит, бородач все же мог идти к Тихомировым. Только к ним нередко заходили весьма подозрительные личности (с точки зрения сановного обывателя), одежда и повадки которых не выдерживали никакой критики. Понятное дело – разве может прожженный кладоискатель или «черный» архео-

лог опуститься до того, чтобы надеть на себя приличный, хорошо отутюженный костюм и галстук? Потертая, выцветшая ветровка, байковая рубаша в клетку, джинсы и армейские ботинки на шнуровке – вот наряд настоящего мужчины, которому и сам черт не брат.

А если так, если убитый шел к Тихомировым, то это значит, что он мог быть знакомым если не Глеба, то Николая Даниловича. Глеб покопался в памяти и вынужден был констатировать, что этого мужика он нигде и никогда раньше не встречал.

«Выходит, покойник был знаком с бате́й? – Глеб почесал в затылке и потянулся за сигаретами. – Это возможно. Отец в свое время исколесил почти весь Союз... Сумка! Что в ней находилось? Вряд ли там лежали тапочки, полотенце и сменное белье. Не тот типаж. Такие люди обходятся минимумом: постиранные трусы сушат на теле, носки – на радиаторе отопления или просто на ветру, а полотенце им заменяет подол рубашки. Мужик мог просто идти по указанному кем-то адресу, чтобы продать свои находки. Вариант наиболее подходящий...»

Допустим, это так. Тогда двигаемся дальше. Пункт номер четыре. Что обозначает слово «двенадцать», которое мужчина пытался прошептать из последних сил? И потом, буква и цифры, написанные на тротуарных плитках – «А 274». Куда вставить эту надпись?

«А 274... А 274... – шептал Глеб. – Ребус, кроссворд...

И вообще, на кой ляд мне все это надо?! Своих забот, что ли, мало? Машину нужно отогнать на диагностику, душевую кабину загерметизировать – где-то протекает, сволочь... В библиотеке не мешало бы покопаться. Может, там что-нибудь стоящее отрою. Все равно на следующий сезон у меня даже на примете нет ни одного подходящего объекта на предмет раскопок. Да пошло оно все!...»

Глеб решительно поднялся, чтобы отнести пустую чашку на кухню... и тут же плюхнулся обратно в кресло. Двенадцать! А 274! «Мать моя женщина... – прошептал он ошарашенно. – Это ведь номер ячейки в автоматической камере хранения на вокзале и код замка!»

Схватив документы и ключи от машины, Тихомиров-младший бегом спустился в гараж и через полчаса уже входил в здание железнодорожного вокзала. К боксам автоматической камеры хранения он подходил на дрожащих ногах – верна его догадка или нет?

Замок двенадцатой ячейки мягко щелкнул, Глеб потянул на себя дверку и она открылась. Что такое?! Внутри было пусто. Не может такого быть! Ячейка под двенадцатым номером находилась на верхнем ярусе боксов. Совсем замороженный Глеб засунул в нее руку и пошарил, словно там могла лежать сказочная шапка-невидимка.

Неожиданно его пальцы нащупали какую-то картонку. Глеб вытащил ее из ячейки и только тогда понял, что это никакая не картонка, а конверт из плотной оберточной бу-

маги. От волнения он сразу вспотел, но все же сумел найти в себе силы, чтобы не открыть конверт немедленно, прямо возле боксов камеры хранения. Вдруг кто-нибудь за ним наблюдает?

Незаметно сунув конверт в карман, Глеб вышел на при вокзальную площадь и направился в сторону автомобильной стоянки. Но сначала он зашел в кафе, которое, как уже знал Глеб, имело второй выход; он им и воспользовался. Дальнейший путь Тихомиров-младший проделал едва не бегом, стараясь прятаться за многочисленными пассажирами, снующими по площади туда-сюда.

Забравшись в салон машины, Глеб первым делом некоторое время понаблюдал, не тянется ли за ним «хвост». Его не совсем законная профессия «черного» археолога приучила Тихомирова-младшего к осторожности и предусмотрительности. А затем включил зажигание и очень резво взял старт. Немного покрутившись по городу, чтобы проверить, нет ли за ним преследователей, Глеб наконец подъехал к супермаркету и вскрыл конверт.

Там лежала одна-единственная фотография, наклеенная на плотный картон. Ее сделали, судя по тисненному золотом имени владельца фотоателье «Karl Bulla» и коричневатому фону, в конце девятнадцатого или в начале двадцатого века. На фотоснимке была изображена женщина в годах. На голове у нее красовалась кружевная черная шляпка.

Глеба поразило властное выражение лица женщины и ее

большие, широко расставленные глаза. Казалось, что они были живыми и смотрели прямо ему в душу.

Он перевернул фотографию и на обороте прочитал несколько слов, написанных неверной, явно старческой, рукой: «Никола, срочно приезжай. Отхожу. Баба Глаша». А ниже надписи химическим карандашом (по нынешним временам большая редкость) был нарисован анк.

Глава 2

Кто в Париже не знает дядюшку Мало? Его постоянный двор «Ржавый якорь» в Сен-Клу с весьма неплохой гостиницей и таверной посещали даже принцы и другие высокопоставленные господа. Дядюшка Мало был невысокого роста, крепко сбит, краснолиц, с головой, лысой как колено, и обладал зычным боцманским голосом. Поговаривали, что он сколотил свой капитал, на который приобрел и перестроил постоянный двор, не совсем честным путем. Будто бы в молодости дядюшка Мало был корсаром²⁴ и даже участвовал в нападении на Картахену.

Когда его об этом спрашивали, дядюшка Мало весело смеялся и говорил: «Что вы, мсье, как можно? Я законопослушный подданный нашего пресветлого короля и просто не способен на такие подвиги. Из оружия я предпочитаю вертел для жарки дичи и сковородку. Пираты и корсары – смелые люди, а моей храбрости не хватает даже на то, чтобы вечером прогуляться по Парижу. Не угодно ли отведать каплуна, мсье? Я подам к нему такой потрясающий соус, что пальчи-

²⁴ Корсары (каперы, приватиры, арматоры) – частные лица, которые с разрешения верховной власти воюющего государства снаряжали за свой счет судно с целью захватывать купеческие корабли неприятеля, а в известных случаях – и нейтральных держав. Каперов, или корсаров, не следует смешивать с пиратами – морскими разбойниками, действовавшими вне каких-либо правовых рамок. Однако грань, отделяющая корсаров от пиратов, часто бывала весьма условна.

ки оближете...»

И тем не менее обитатели Дома Чудес²⁵ – воры, бандиты и мошенники – не осмеливались даже близко подойти к «Ржавому якорю». Веселый и улыбчивый дядюшка Мало вычислял их на раз и был с ними крут и скор на расправу. В его руках острый вертел мог оказаться не менее опасным оружием, нежели шпага королевского мушкетера.

Кроме того, у него под рукой всегда был небольшой отряд слуг из отставных матросов; они тоже не очень церемонились с мазуриками. Просоленные насквозь морские волки в свое время принадлежали к вольному братству пиратов, а потому не боялись даже самого черта-дьявола, не говоря уже о бандитах и ворах, обычно избегавших честного боя лицом к лицу и нападавших в основном исподтишка.

В отличие от многих других постоянных дворов, заведение дядюшки Мало было чистым и ухоженным. В нем имелся даже крохотный зеленый дворик с прудом, в котором плавали золотые карпы. В этот дворик-сад допускались лишь близкие друзья дядюшки Мало и высокородные дворяне. Обслуга постоянного двора в разговорах намекала, что на оборудование такой диковинки (в каменных трущобах Парижа трудно было встретить даже кусочек зелени) их хозяина подвигли ностальгические воспоминания о молодости, которую он провел в путешествиях.

Теплым весенним утром 1740 года к постоянному двору

²⁵ Дом Чудес – трущобы, парижское «дно».

«Ржавый якорь» подъехала запыленная карета. Судя по изрядно уставшим лошадям, господин, который выбрался из кареты, проделал длинный путь. На вид ему можно было дать лет сорок-сорок пять. Несмотря на усталость и достаточно зрелые годы, его одухотворенное смуглое лицо с правильными чертами излучало молодую энергию, глаза смотрели остро, проницательно, а длинных черных волос еще не коснулась седина.

Одет он был просто, по-дорожному, но очень дорогие перстни с бриллиантами на его холеных руках и золотые пряжки туфель подсказывали искушенному наблюдателю, что господин богат и знатен. А длинная шпага у пояса, узкая талия и широкие плечи намекали на то, что путешественник, несмотря на свое знатное происхождение, вполне может принадлежать к буйному братству бретёров²⁶. Подтверждением этого вывода могли служить его удивительно точные, легкие и хорошо координированные движения.

Дядюшка Мало словно почувствовал, что за гость пожаловал на его постоялый двор. Он выбежал за ворота и, увидев знатного путешественника, восхищенно воскликнул:

– Граф Сен-Жермен!²⁷ Святая пятница, какая радость!

²⁶ Бретёр – заядлый дуэлянт (фр.).

²⁷ Граф Сен-Жермен – политический деятель, путешественник, алхимик и оккультист, пользовавшийся репутацией авантюриста; происхождение однозначно не установлено. По распространенной версии, происходил из трансильванской княжеской семьи Ракоци. Точная дата рождения неизвестна. Владел почти всеми европейскими языками. Обладал большими познаниями в области истории и

Милорд... – И он попытался поцеловать руку графа.

– Дядюшка Мало! – остановил его путешественник. – Что ты, друг мой. Старому вояке не пристало уподобляться изнеженным дворцовым фертам. Ты лучше прикажи побыстрее нагреть воды и приготовить баню, чтобы я мог побриться и смыть дорожную пыль.

– Сей момент, милорд! – и дядюшка Мало с несвойственной ему прытью побежал отдавать приказания слугам.

Спустя час граф Сен-Жермен уже нежился в широкой деревянной бочке, заменившей ему баню. Хозяин постоянного двора держал эту бочку для особых клиентов, среди которых числился и граф Сен-Жермен. Дядюшка Мало считал мытье в бочке забавой. Он смотрел на эту «забаву» графа весьма скептически.

– Что делает даже с умным человеком заграница, – чуть слышно бурчал себе под нос хозяин постоянного двора, добавляя в бочку горячей воды. – Насмотрятся чужих нравов и приносят всякое непотребство в Париж. Ведь давно известно, что вместе с водой, которую придется вылить, уходит от человека Божья благодать. И потом, это же сколько дров зря тратится... Плеснул в лицо холодной водой – и дело с концом.

– Дядюшка Мало, ты что там бормочешь? – улыбнувшись, спросил граф.

химии, был скрипачом, композитором, художником. В круг его друзей входили знатные люди разных стран.

– Это я, милорд, о своем... – смутился дядюшка Мало. – Всякие глупости...

– Я все слышал. Баня, даже в виде бочки с горячей водой, чрезвычайно полезна для человеческого организма. Это знали еще древние римляне. Баня очищает человека, добавляет ему энергии, жизненных сил. Жаль, что тебе не довелось бывать в России. Чтобы ты тогда запел... Вот там настоящая баня. Русские могут выносить большой жар. От такого жара ты просто расплавился бы. В бане они ложатся на полки, поддают горячего пару и велят себя бить и тереть свое тело распаренными березовыми вениками. Когда от такого жару русские становятся красными и совсем изнемогут, они голыми выбегают из бани (как мужчины, так и женщины) и обливаются холодной водой. А зимой, выскочив из бани, валяются в снегу, трут им тело, будто мылом, и потом, остыв таким образом, снова возвращаются в жаркую баню.

– Варвары... – буркнул упрямый дядюшка Мало. – Что с них взять... Голым – и в снег. Бр-р!

– Что ж, останемся каждый при своем мнении. Вот что, дядюшка Мало, у меня есть к тебе просьба. Только сразу предупреждаю – она весьма конфиденциального характера.

– Милорд, вы же знаете, ради вас я готов на все. Вам я обязан жизнью.

– Пустяки, – отмахнулся граф. – Это была всего лишь небольшая дружеская услуга с моей стороны.

– Ах, милорд, как вы можете так говорить?! Когда стоишь

на эшафоте и тебе на шею уже надели веревку, ничего так не хочется, как чуда. И оно явилось в вашем образе.

– Принадлежность к вольному братству изначально предполагает такой конец. Эшафот или плаха, выбор небольшой. И ты это знал, когда поднимал на мачте Веселого Роджера.

– Да, знал. Но ладно бы меня свои, французы, повесили на рее, или, на худой конец, испанцы, – у них много ко мне накопилось претензий – а то какие-то англичане... Обидно было.

– Уж как обидно... – Граф снова не удержался от смеха. – Но потом ты отплатил англичанам за все сполна. Так что вы теперь квиты.

– Э-э, нет, не скажите, милорд! – живо возразил дядюшка Мало. – Маленький должок все же остался. Только вот беда, боюсь, что мне не придется его отдать. Годы, милорд, годы...

– Могу помочь в этом вопросе. Ты только скажи. Насколько мне известно, маршал Морис Саксонский набирает добровольцев в свои войска. Намечается славная заварушка с Австрией – королева Венгрии Мария Терезия оспаривает права на австрийский престол. Англия готова ее поддержать, Франция выступает против. Так что тебе и карты в руки, а также семь футов под килем и кутласс из турской стали²⁸ за

²⁸ Кутласс – короткий, заостренный с одной стороны меч, основное холодное оружие пиратов. Изогнутое лезвие кутласса имело длину около 60 см. Он напоминал саблю, но был короче и массивнее. Благодаря большей массе кутласса с его помощью можно было не только сражаться с противником, но также рубить канаты, реи и даже тяжелые двери. Так как abordаж чаще всего отличался ско-

пояс. Мне думается, что эта война продлится не менее пяти лет. За это время можно отдать англичанам все долги с лихвой. Ну а насчет твоих лет... – Тут Сен-Жермен хитро ухмыльнулся. – Три года назад я имел возможность убедиться, что сила и сноровка у тебя остались прежними. Ну так как насчет помощи?

– Что вы, милорд! – испуганно воскликнул дядюшка Мало. – Нет, нет, в таких делах мне помогать не нужно. Для меня военные подвиги уже остались в прошлом. И потом – на кого я оставлю свой постоянный двор?

– Мне помнится, лет пять назад ты женился...

– У вас отменная память, милорд. Это был черный день в моей жизни...

– Как, неужто жена ушла от тебя?!

– Если бы... – Дядюшка Мало пригорюнился. – Она как рыба-прилипала, не оторвешь. Иногда мне хочется все бросить, наняться на какой-нибудь захудалый торговый бриг коком и уплыть куда подальше и от Парижа, и от Франции.

– Сочувствую... Но что поделаешь, женщина дана мужчине Богом для психологического равновесия.

– Простите, милорд, не понимаю...

– Все очень просто, дядюшка Мало. Если мужчине чересчур хорошо, он может в эйфории наделать много глупостей.

ротечностью и происходил в узких помещениях, к тому же нередко при сильной качке, эта небольшая длина кутласса являлась важным преимуществом перед обычными саблями или шпагами; Турская (турецкая) сталь – это булат, кованный в Турции.

Вот тут и появляется женщина, которая очень быстро опускает его с небес на грешную землю. А ежели ему плохо, если он ранен или заболел, то добрая, заботливая, ласковая женщина – лучшее в мире лекарство.

– Мудрено вы говорите... Моя Кетти больше похожа не на лекарство, а на крысиный яд.

– Что ж, дядюшка Мало, будем считать, что это твой крест... во искупление грехов молодости. А теперь к делу. Возьми в моем камзоле конверт и доставь его на постоянный двор «Корона и петух». Только сделай это лично! Я могу довериться только тебе.

– Спасибо, милорд, за доверие. Понял. Доставлю. Прямо сейчас оденусь в выходное платье и побегу. Кому вручить?

– Спросишь сэра Артура Мюррея.

– Англичанин! – На круглой физиономии дядюшки Мало появилась гримаса отвращения.

– Будет тебе, дядюшка Мало. И среди англичан иногда случаются вполне приличные люди. Правда, редко. Он высокого роста... – Сен-Жермен в деталях описал внешность англичанина. – Постарайся вручить ему письмо так, чтобы никто этого не видел.

– Постараюсь, – хмуро ответил хозяин постоянного двора, поклонился графу и вышел.

Граф задумчиво посмотрел ему вслед и хотел уже обратиться из бочки, как отворилась дверь и в помещение вошла прелестная юная служанка с щечками, похожими на на-

ливные краснобокие яблоки. Смущаясь, она подошла к Сен-Жермену и сказала:

– Мсье, я принесла вам чем вытереться...

С этими словами девушка положила на табурет простыню, которая в те времена заменяла банное полотенце, и стала рядом, опустив глаза вниз. «Ну, старый пират, ну, пройдоха! – весело подумал граф. – Похоже, он научился читать мои мысли. Действительно, в пути мне было не до женщин...»

– Залезай ко мне, – приказал Сен-Жермен. – Вода еще теплая...

Девушка словно ждала, что он так скажет. Она шустро сбросила свою одежду, которой было совсем немного, и присоединилась к графу. Ее молодое и упругое тело вызвало у Сен-Жермена взрыв неистового желания. Но он медлил, наслаждаясь каждым мгновением близости со свежей юностью; дядюшка Мало и впрямь хорошо изучил характер и слабости своего знатного постояльца...

Граф и англичанин уединились в зеленом дворике. Это место во владениях дядюшки Мало было очень удобно с точки зрения конспирации. Дворик был огорожен высоким, густым и тщательно подстриженным декоративным кустарником, так что ни подсмотреть, кто там обедает в тени каштана, ни подслушать разговор было практически невозможно. Если только собеседники не начнут говорить на повышенных тонах.

Но те, кого дядюшка Мало допускал в свою святая свя-

тых, не отличались склочным характером и вели беседы тихо, иногда даже шепотом. Это были разные люди – от сиятельных вельмож до просоленных всеми океанскими ветрами матросов, своим видом и повадками очень смахивающих на разбойников или пиратов. Однако всех их объединяла одна особенность – они старались и прийти и уйти как можно незаметней.

Не стал исключением из общего правила и сэр Артур Мюррей. Он появился на постоялом дворе спустя три склянки²⁹ после возвращения дядюшка Мало. Нужно отметить, что хозяин постоялого двора несколько покривил против истины, сказав графу, что исполнять его просьбу он «побежит». Старый корсар терпеть не мог мерить грязные мостовые Парижа собственными ногами. Пока он переодевался, грум³⁰ запряг в двуколку прелестную молодую кобылку, и дядюшка Мало проделал весь путь – туда и обратно – с максимальным комфортом.

К приходу англичанина дядюшка Мало по требованию графа накрыл под старым каштаном богатый стол. В сервировке стола он превзошел сам себя, хотя в кубок для англичанина ему очень хотелось добавить несколько капель на-

²⁹ Склянки – во времена парусного флота так называли песочные часы с полчасовым ходом; по ним на судах отсчитывали время. Каждые 30 минут часы переворачивались вахтенным матросом, что сопровождалось сигналом колокола-рынды.

³⁰ Грум – слуга, верхом сопровождавший всадника или экипаж, а также мальчик-лакей.

стойки цикуты³¹.

Суп-буйабесс, «беатриче» – консоме из цыпленка, фазан под белым соусом, жареные куропатки с зеленью, яйца, начиненные трюфелями, лобстер, сваренный в сухом вине, баранина с чесноком, оленина, запеченная на вертеле, ветчина, глазированные пирожные «конде», засахаренные фрукты, несколько видов варенья, круассаны, запеченная в очаге рыба (перед тем, как поставить ее на огонь, рыбу обмазывали глиной, от чего появлялся удивительно аппетитный вкус), крокеты из щуки с соусом бешамель, лосось с соусом из устриц, апельсиновое суфле... Увидев все это кулинарное великолепие, Сен-Жермен сказал:

– Да это просто королевский стол! Дядюшка Мало, ты меня балуешь.

– Ах, милорд! Надеюсь, вы не шутите. Если бы вы известили меня, когда вас ждать, то поверьте, я действительно мог угостить вас по-королевски. У меня служит повар-мальтиец, великий мастер своего дела.

– Думаю, что ему самое место на кухне какого-нибудь принца. Странно, что он устроился на постоянный двор...

– Ничего странного в этом нет. Как бы вам сказать... в общем, у него есть некоторые трения с законом...

– А, тогда понятно. Похоже, эти «трения» как-то связанные с вендеттой. Не так ли?

³¹ Цикута (болиголов) – ядовитое растение; отравление им вызывает судороги и паралич дыхания.

– Вы, как всегда, прозорливы, милорд. Ну нельзя же такого искусного повара гноить в тюрьме всего лишь за один удар навахой.

– Согласен. У всех нас много недостатков... – Граф многозначительно улыбнулся.

– Зато я угощу вас «вином любви».

– Даже так? – удивился Сен-Жермен. – Это просто здорово.

– Что такое «вино любви»? – поинтересовался сэр Мюррей, когда дядюшка Мало принес несколько запыленных бутылок и удалился.

– О, это целая история... Рецептuru «вина любви» разработал Жан-Поль Шене, любимый винодел Людовика XIV, для фаворитки короля – прекрасной Франсуазы-Атенаис де Монтеспан. С этой целью тогда уже пожилой винодел ездил в провинцию Шампань, где приблизительно в это же время монах Периньон заставил белое виноградное вино «заиграть». Первая партия игристого «вина любви» была отправлена фаворитке с запиской: «Маркизе – с любовью. Король-солнце». Это вино никогда не поступало в продажу. Его вкус знали только сам Король-солнце и маркиза де Монтеспан. В 1687 году, когда связь Людовика XIV и маркизы де Монтеспан прервалась, прекратилось и производство «вина любви». Опечаленный король наложил трехвековой запрет на его производство со словами: «Три столетия скроют печаль этой любви, оставив только ее сладость». Но в этом ми-

ре нет ничего тайного, чтобы оно не стало явным. Похоже, Жан-Поль Шене страдал манией величия и передал рецепт «вина любви» кому-то из своих наследников. Но каков дядюшка Мало... Хитрец. Не ожидал от него такой предприимчивости. Он здорово рискует.

– Я тоже сильно рискую. За мной следят. Мне пришлось пойти на хитрость, чтобы добраться сюда без соглядатаев.

– Со мной вы в полной безопасности. Но долго задерживаться в Париже я вам не рекомендую. Между Англией и Францией снова начались трения, которые приведут к войне. Это несомненно. И тогда вас могут арестовать как английского шпиона.

– Я последую вашему совету...

И они принялись за еду, потому что вид богато накрытого стола начал вызывать у собеседников повышенное слюноотделение.

Сен-Жермен время от времени бросал испытующие взгляды на сэра Мюррея. Граф не очень верил этому человеку, хотя он и был тайным агентом Братства франкмасонов уже много лет. В принципе, Сен-Жермен не верил никому. Ну разве что дядюшке Мало, но тот был слеплен совсем из другого теста.

Когда корсара схватили англичане, он и под пытками не выдал своих товарищей. Хорошо, что его недолго мучили, иначе он стал бы калекой. А несколько лишних шрамов на теле дядюшки Мало – вдобавок к тем, что были получены

им во время абордажных боев, — не в счет.

Англичанин производил мрачное впечатление. Он был высок, неестественно худ, а его оловянные, ничего не выражающие глаза казались стеклянными. Сэр Мюррей смотрел на собеседника не мигая, отчего даже выдававшему виды графу становилось немного жутко. Но он, как ни в чем не бывало, шутил и рассказывал много разных историй, на которые был мастак.

Сэр Мюррей внимательно слушал графа, кивал, где нужно, но каменное выражение его длинного «лошадиного» лица не менялось. Создавалось впечатление, что он просто отбывал скучную повинность. В конце концов пыл Сен-Жермена иссяк, несмотря на восхитительный вкус «вина любви» и его хмельные качества, и он, мгновенно став суровым и даже где-то надменным, спросил:

— Наши братья из Великой Ложи требуют от вас отчет. Мне приказали встретиться с вами и узнать, как обстоит дело с поиском Десницы Господней.

— Мне нечем их порадовать... — В неподвижном лице сэра Мюррея что-то изменилось; оно словно размякло и начало оплывать, мгновенно потеряв жесткость черт; похоже, агент франкмасонов чувствовал за собой какую-то вину. — След Десницы Господней теряется в Московии...

— Но вы нашли хотя бы кончик ниточки, за который можно ухватиться?

— Да. Но увы — он оказался оборванным.

– Объясните! – жестко потребовал граф Сен-Жермен, наливаясь желчью.

– Нас опередил русский дипломат, князь Сергей Долгоруков.

– Прошу вас рассказать все без вступления, – бесцеремонно перебил его граф, который по своему статусу в масонской ложе стоял гораздо выше сэра Мюррея.

– Как вам будет угодно... – Лицо англичанина снова стало непроницаемым. – Думаю, вам известно, что Россия³² препятствовала закреплению польского престола за Морицем Саксонским, сыном Августа II. В начале 1723 года король Август уехал из Варшавы в Дрезден. Князь Сергей Долгоруков отправился вслед за ним, и в Бреславле имел разговор с сыном бывшего короля Польши Яна Собесского, королевичем Константином. Он рассказал ему о желании императора российского Петра II (собственно говоря, даже не столько самого царя, сколько светлейшего князя Меншикова) видеть его на польском престоле. В знак признательности за поддержку королевич подарил князю Долгорукову булатную саблю в ножнах, украшенных драгоценными камнями, и передал в качестве аванса шкатулку с драгоценностями, а также эту реликвию, отвоеванную его отцом у турецкого визиря Кара Мустафы-паши под Веной в 1683 году. Константин понятия не имел, что она собой представляет. Королевич

³² Россия – так в XVI–XVII веках в Западной Европе называли Россию; а в просторечье – Московией.

думал, что это всего лишь какой-то христианский фетиш.

– Вы хотите, сказать, что Десница Господняя находится в сокровищнице русских царей?! – обеспокоился граф. – Тогда нам ее не достать.

– Отнюдь. В сокровищницу русских царей Десница Господняя не попала. Князь Сергей Долгоруков – хитрая бес-тия. Он дипломат, и этим все сказано. Уж не знаю, что он подумал, заполучив реликвию в свои руки (думаю, о ее свойствах князь, как и польский королевич, вряд ли мог знать), но Десницу князь оставил себе. А императору Петру II передал лишь ларец с драгоценностями, чем очень обрадовал юного монарха, который постоянно испытывал недостаток в средствах.

– Ну тогда дело упрощается, – уверенно сказал граф. – Нужно всего лишь поехать в Московию и выкупить реликвию у князя Долгорукова. А если не согласится... что ж, на все воля Божья. Тогда мы не будем ограничивать себя только дипломатическими средствами...

– Туда, где сейчас находится князь Долгоруков, нам не добраться. В 1729 году он был вовлечен своим братом князем Алексеем Долгоруковым в заговор и явился одним из деятельных участников в составлении подложной духовной Петра II, по которой русский престол передавался от имени юного императора его обрученной невесте, княжне Екатерине Долгоруковой, дочери князя Алексея. В 1738 году императрица Анна Иоанновна назначила князя Сергея Долгору-

кова послом в Лондон, но туда он так и не уехал. Родной племянник князя, Иван Долгоруков, измученный тюрьмой и пытками, показал на допросе, что подложную духовную Петра II писал в январе 1730 года именно князь Сергей. Поэтому вместо Лондона он попал в Шлиссельбург и спустя девять месяцев (если я не ошибаюсь, 8 ноября 1739 года) был казнен близ Новгорода вместе с несколькими своими сородичами. Куда девалась реликвия, неизвестно.

– Дьявол! – вскричал раздосадованный граф Сен-Жермен. – Реликвия ускользнула от меня в очередной раз! Просто мистика какая-то. Придется мне ехать в Московию... или Россию, как ее теперь называют. Не хотелось бы, но... что делать? Вы там не справитесь, потому что плохо знаете русский язык и обычаи москвитов.

– Но я могу быть вам полезен в качестве, скажем, телохранителя...

– Нет уж, увольте. О своем теле я привык заботиться сам. У вас будет другое, тоже очень важное поручение. Слушайте внимательно...

Они заговорили шепотом, низко нагнувшись над столом. Грум дядюшки Мало, юркий и шустрый, как белка, мальчишка с лицом в россыпях мелких веснушек, разочарованно скривился. Он забрался на крышу таверны, которая тоже называлась «Ржавый якорь» и принадлежала его хозяину, и, скрытый от чужих глаз пышной и густой кроней дуба, достававшей почти до дымоходной трубы, внимательно слу-

шал разговор графа и англичанина.

Его совершенно не смущало то обстоятельство, что собеседники жонглировали иностранными языками; большей частью они разговаривали на английском, но иногда переходили на голландский и немецкий. Наверное, и граф Сен-Жермен, и сэр Артур Мюррей очень удивились бы тому факту, что мальчишка знает несколько языков и может писать и читать.

Глава 3

Отец возвратился домой, как по заказу – на следующий день после убийства неизвестного. Глеб долго колебался, звонить ему, чтобы рассказать о происшествии и фотографии, или нет, но в итоге все же счел благоразумным промолчать. Его мучили сомнения.

Во-первых, он все еще был под впечатлением увиденного. Во-вторых, у них в роду не было никаких Глафир. А в-третьих, отец чересчур ответственно относился к своему положению в достаточно узком и закрытом для посторонних мире консултантов и экспертов по древностям, чтобы все бросить, наплевав на договор с «Сотбис», и мчаться, сломя голову, в какую-то Тмутаракань, дабы принять последний вздох от никому неведомой бабы Глаши. Бред!

С генеалогией своего рода Глеб разобрался, еще будучи студентом. А потому знал, что отец и он являются последней ветвью не очень кудрявого генеалогического древа клана потомственных кладоискателей Тихомировых. Кого-то похоронили в Первую империалистическую, кто-то сгинул в Гулаге, две большие и зажиточные семьи советская власть раскулачила и отправила в Сибирь, но туда они не доехали, умерли по дороге – замерзли, так как дело было зимой, а им не разрешили взять теплую одежду, остальных добил голод и Отечественная война.

Спасся от неминуемой гибели только дед Данила, которому каким-то чудом удалось обмануть даже вездесущих палачей НКВД. Может, потому, что по жизни он был великим конспиратором.

Но нигде, ни в каких документах Глеб не встречал имени Глафира. Мало того, о ней ничего не говорили ни дед, ни отец.

Это было, по меньшей мере, странно и удивительно – хотя бы потому, что от него старшие Тихомировы ничего не таили, и Глебу были известны мельчайшие подробности из их интересной, увлекательной и очень опасной жизни подпольных кладоискателей. Именно опасной, потому что в СССР за это незаконное занятие давали большие сроки тюремного заключения с конфискацией имущества. А Тихомировы ни разу не прокололись.

Скорее всего, решил Глеб, эту бабу Глашу отец знал в связи со своей работой в «поле» – то есть на раскопках. Тихомирову-младшему и самому приходилось много раз становиться на постой у жителей сельской глубинки, после чего завязывались знакомства и даже дружба. Особенно это касалось юных представительниц женского пола.

«Да, похоже, эта баба Глаша – всего лишь давняя знакомая отца, – размышлял Глеб. – Наверное, какая-нибудь одинокая старушка, которую и похоронить некому. А как же тогда гонец с письмом? И наконец, изображение анка? Нет, за всем этим что-то кроется! Но что? Вопрос. Звонить батю, не

звонить... Странное приглашение, чтобы не сказать больше. В конце концов, отец не батюшка-исповедник. А что если эта бабулька хочет рассказать, где находится какой-нибудь клад? – тут Глеб невольно рассмеялся. – Мечтать не вредно... Твое предположение, друг сердечный, – это бред сивой кобылы. Такие чудеса случаются только в рассказах старых кладоискателей, и эти истории ничем не отличаются от охотничьих баек. Вранье одно...»

С этой мыслью Глеб и отправился на боковую. А утром его разбудил бодрый голос отца:

– Подъем, бравый гусар! Царство небесное проспишь. Никак вчера на балу загулял?

– Батя?! Ты как... откуда?

– Оттуда. Из Лондонграда, как теперь называют столицу Англии наши беглые олигархи и прочее ворье, окопавшееся на острове. А чему ты удивляешься? Взял билет и прилетел. Делов-то: четыре часа лета до Москвы, час – в наш город, и сорок минут езды на такси от аэропорта до дома.

– Только не говори, что ты сильно по мне соскучился!

Николай Данилович немного смутился.

– Как тебе сказать... – начал он, отводя взгляд в сторону.

– Говори, как на духу!

– Я всегда по тебе скучаю. И ты это знаешь. Но вчера со мной творилось что-то неладное. Ближе к вечеру не мог места себе найти. А где-то около двенадцати ночи меня начал звать чей-то голос. Мистика! Сначала я решил, что все это

мне чудится спьяну – мы немного посидели с коллегами в ресторане, и я слегка перебрал. Но потом, приняв контрастный душ, чтобы протрезветь, я почувствовал сильный зуд в подошвах. В буквальном смысле. Мне вдруг захотелось вернуться домой. Просто-таки неистовое желание появилось. Я почему-то решил, что у тебя какие-то неприятности. Быстро одевшись, я помчался в аэропорт, ну а дальше тебе все известно. На мою удачу, с билетами проблем не было. Вот и весь мой сказ.

– А почему не позвонил?

– Видишь какая чертовщина... – Николай Данилович беспомощно развел руками. – Свою мобилку я где-то посеял. Наверное, лондонские жулики стибрили. Уж не знаю, где именно. Скорее всего, в пабе, куда я заходил выпить пива. Там было чересчурлюдно. В общем, толкотня. А просить телефон у коллег, с которыми бражничал в ресторане, было неудобно – все-таки иностранцы; мало ли чего могут подумать. К тому же в нашей среде такие вещи не приветствуются.

– Почему?

– Потому что за время разговора из записной книжки мобильного телефона можно запросто скачать информацию, которая нередко дорогого стоит. У экспертов много связей среди коллекционеров. И не все коллекционеры дружат с законом. Понял?

– Как не понять... Богатые клиенты – это нам белый хлеб

с маслом и паюсной икрой. Тем более те, которые нигде не светятся. Они для нас – вообще золотое дно.

– То-то... В общем, пока я пребывал в раздумьях и сомнениях – лететь домой или нет – пошел третий час ночи. Поэтому звонить по телефону, который находился в номере, я не стал. Знаю, что ты очень не любишь, когда тебя будят среди ночи... А приняв решение лететь, я уже думал только об одном – как бы купить билет на ближайший рейс.

– Вот теперь мне все ясно. Завтракать будем?

– Мне бы чего-нибудь для восстановления душевного равновесия...

– Понял, батя, понял. Я там вчера твой армянский коньяк слегка употребил... кажись, полбутылки осталось.

– Давай коньяк. И что-нибудь пожевать.

– Лимон точно есть... а также кусок сыровяленой колбасы и какие-то сухарики.

Они прошли на кухню. Николай Данилович открыл практически пустой холодильник и сказал:

– Я вижу, ты тут совсем без меня обленился. Придется мне становиться к плите, а то совсем дойдешь. За те два месяца, что я тебя не видел, ты стал тощим, как вяленая вобла.

– Так ведь работа в «поле» – это не мед, батя. Тебе ли это не знать.

– Да знаю я, знаю... Но все равно, к желудку нужно относиться бережно, с уважением. Китайцы говорят, что все болезни от желудка.

– Японцы тоже придерживаются такого же мнения.

– Вот и прислушайся к ним. Китайцы – древний народ. А японцы – мудрый. Плохого не посоветуют. Ну и как у тебя успехи?

– Лучше не спрашивай... – Глеб стал мрачнее грозовой тучи. – Дупель пусто. Если, конечно, не считать нескольких серебряных монет семнадцатого века и разной бронзовой дребедени. Боюсь, что не смогу оправдать даже затраты на экспедицию. Год получился провальным.

– А все потому, что ты перестал работать с архивами.

– Батя! Я зверею от этих архивов! Лучше на свежем воздухе десяток шурфов пробить, нежели целый день копаться в пыльных папках.

– В таком случае ты скатишься до примитивного уровня начинающих дилетантов от археологии.

Глеб тяжело вздохнул и ответил:

– Да знаю я, знаю... И все равно неохота. Тебе лимон с сахаром?

– Без разницы...

Они выпили за встречу, закусили. Николай Данилович пытливо посмотрел на мрачное лицо Глеба и спросил:

– Так все-таки, что тут у тебя стряслось? Нутром чую, что появились какие-то проблемы.

– Появились, – не стал спорить Глеб. – Но у тебя.

– Это как понимать? – удивился Тихомиров-старший.

– Сейчас все сам увидишь...

Глеб сходил в кабинет и принес фотографию.

– Вот она, проблема, – сказал он, вручая снимок отцу. –

Послание...

При взгляде на фотографию лицо Николая Даниловича вдруг закаменело и покрылось бледностью.

– Не может быть... – пробормотал он чуть слышно.

– Что значит – «не может быть»? – встревоженно спросил Глеб. – Ты о чем?

– Ведьма... Точно ведьма! Это же сколько ей лет? А я не верил... – продолжал говорить сам с собой Николай Данилович, не отводя глаз от снимка.

– Батя! Очнись! – Глеб потряс отца за плечо. – Что с тобой?!

– Ничего... Со мной все в порядке... – Тихомиров-старший наконец оторвался от снимка, налил себе полную рюмку коньяка и выпил одним глотком. – Уф! Это же надо... Баба Глафира собственной персоной. Живая! Как попал к тебе этот снимок?

– Ты посмотри на обороте. Там все объяснено. Или почти все.

Николай Данилович прочитал надпись несколько раз и откинулся на спинку стула; как показалось Глебу, совсем без сил – будто снимок за считанные секунды выпил всю его энергию.

– А теперь расскажи мне все по порядку, – попросил он сына. – Думаю, что твоя история будет очень занимательной.

И даже трагической.

– Это точно. Как догадался? – Глеб был поражен.

– Все, что было связано с бабой Глашей, обычно добром не заканчивалось.

– Кто она?

– Сначала хочу послушать тебя. А потом и я выложу все, что знаю.

– Лады... – И Глеб рассказал отцу о событиях прошлого дня, стараясь не упустить ни единой детали.

Николай Данилович долго молчал, а потом сказал:

– Дай сигарету... – Он закурил. – Ну надо же. Вспомнила... Теперь я понял, чей голос доставал меня в Лондоне. Ничего удивительного...

– Ты обещал рассказать...

– Обещал. Не хотелось бы... да куда теперь денешься. Деда помнишь?

– Как не помнить?

– Ну да, ну да... Он сильно тебя любил. «Надёжей» называл. Между прочим, ты стал сильно на него похож. В детстве это было не так заметно... Так вот, Глафира Миновна была бабой Глашей уже тогда, когда дед еще лежал в люльке.

– Что?!

– А то. Сколько я помню бабу Глашу, она всегда была в одной поре. В точности, как на этом снимке. Между прочим, я удивлен тем, что есть ее фото. Она запрещала себя фотографировать. Однажды я хитрил и несколько раз щелк-

нул бабу Глашу тогда, когда она этого не видела. И что ты думаешь? Вся пленка оказалась засвеченной. А я, между прочим, фотоаппарат из рук не выпускал и уехал домой сразу же, даже не переночевав. Так что вариант постороннего вмешательства исключается.

– Поэтому ты называешь ее ведьмой?

– Нет. Это всего лишь один мелкий штришок из ее биографии. Нужно сказать, что я мало с ней общался. Вообще-то, Глафира Миновна приходится тебе двоюродной прабабкой. То есть как бы не совсем родня. На ней был женат родной брат твоего прадеда. Притом женился он на ней во второй раз; его первая семья погибла во время страшного лесного пожара. Как сказывал мне дед, баба Глаша была значительно старше своего мужа, но любил он ее без памяти. И долго не старился. А потом сгорел вмиг, как свеча, – за неделю. Дед сказывал, что в гробу муж бабы Глаши выглядел, словно мумифицированные мощи праведника, который пролежал в земле минимум столетие.

– И все равно, я не могу понять – причем тут колдовские штучки? Ведь есть долгожители, даже в настоящее время, которым уже минуло сто двадцать лет. Возможно, в старые времена некоторые жили и дольше. А про эффект моментального старения я недавно читал в Интернете. Это такая болезнь. Может поражать даже детей.

– Про то ладно. Спорить не буду. Не исключено, что баба Глаша – уникум по части продолжительности жизни. Но есть

и другие интересные моменты. Например, советская власть в деревушке, где она жила, установилась только после Отечественной войны, кажись, в пятьдесят шестом. И то в усеченном виде – колхоза так и не создали, а всего лишь образовали лесничество. И работали в нем одни местные жители.

– Ну и о чем говорит этот факт?

Николай Данилович кисло улыбнулся и ответил:

– Дед рассказывал, что власти никак не могли найти дорогу в деревню. В девятнадцатом году, когда, согласно указу о продразверстке, большевики выгребали из крестьянских амбаров весь хлеб до зернышка, красноармейский продотряд так и сгинул где-то в окрестных лесах, не добравшись до деревни бабы Глаши. Кивали на белобандитов, но они боялись даже сунуться в те места. С чего бы? А что касается деревенских жителей, так они запросто ездили в город на базар и всегда возвращались. Но вот загадка – никого из посторонних они никогда не подсаживали на свои телеги. Отказывали категорически. Такая петрушка получается...

– Ты меня не убедил, – упорствовал Глеб. – Лично я знаю несколько деревень и скитов, куда долго не ступала нога чужого человека. По крайней мере, до тех пор, пока не появились вертолеты. И опять-таки, даже сейчас я не дал бы гарантии, что где-нибудь в таежной глуши не притаилось небольшое селение, в котором понятия не имеют о современных реалиях.

– Экий ты Фома Неверующий... Что ж, слушай дальше.

В деревне этой никогда не было ни врача, ни даже фельдшера, и тем не менее все ее жители доживали до преклонного возраста. Потому что всех их лечила баба Глаша. Она могла вызывать дождь, когда нужно, или разогнать тучи. Она понимала язык зверей. Да-да, не смейся! Баба Глаша была в деревне главным начальником. Да что начальником! Ее боготворили. И боялись, если честно.

– Но я ничего не вижу в ней от ведьмы. Знахарка, ведунья – это да. Не спорю. Но не более того.

– В общем-то, я с тобой согласен. Если уж на то пошло, то она колдунья. Ведьмы, ведуньи и знахарки в этой иерархии стоят пониже. Ты умаляешь ее способности потому, что тебе никогда не приходилось с ней сталкиваться. Нужно сказать – открою тебе нашу маленькую семейную тайну – мы с дедом в свое время договорились, что ты не должен о ней знать. Но теперь... теперь она сама к нам пришла на порог. Пусть и в виде фотографии с приглашением. Между прочим, я предполагаю, что она хочет видеть не столько меня, сколько тебя.

– С какой стати? Почему так думаешь?

– Слава богу, тебе не довелось общаться с бабой Глашей... Она знает все наперед. От нее невозможно что-либо скрыть. Между прочим, как это ни тяжело мне сейчас говорить на эту тему, она напророчила нашей маме скорую смерть. Я тогда, дурак, не поверил, хотя баба Глаша и подсказала, что маме делать, дабы избежать такой участи. Зря мы не поверили... Теперь вот каюсь, да поздно. Между прочим, я почему-то

уверен, что ей была известна и судьба гонца. Похоже, он чем-то ей не угодил. Вот она и отправила его в последний путь... с пользой для себя.

– Ну, батя, это уже чересчур! Никому не дано знать ни свою судьбу, ни судьбу другого человека. Это все сказки про белого бычка. Хочешь меня запугать?

– Отнюдь. Ты не из пугливых, мне ли это не знать. Но предупрежден, значит, вооружен, как гласит старинная латинская поговорка. Так вот, в последний мой приезд к бабе Глаше – тебе тогда был год – она живо интересовалась тобой. И сказала, что тебя ждет большое будущее. При этом ее глазницы горели просто дьявольским огнем. Я даже испугался. И после этого я к ней ни ногой.

– А почему раньше ездил? Или она приглашала?

– Нет. Баба Глаша чуралась семейных связей. Да и какая мы ей родня... Седьмая вода на киселе. У нее ведь не было своих детей. А ездил я в те края по очень простой причине – там есть развалины то ли старинного храма, то ли языческого капища. Я так и не понял. Но все мои труды на раскопках оказались напрасными. Я даже черепков не нашел, что очень странно. Между прочим, с твоим дедом баба Глаша не ладила. Уж не знаю, почему. Но до ссоры дело не доходило. Похоже, дед знал что-то такое, против чего и баба Глаша была бессильна. Мы ведь отпрыски старинного казачьего рода, а у казаков есть такое понятие, как характерник. Это что-то наподобие колдуна. А проще – человек, обладающий боль-

шой внутренней силой и неуязвимостью. В бою характерникам не было равных. Это своего рода казацкие берсерки³³. В нашем роду характерники рождаются через поколение. Это уже доказанный факт.

– Не понял... Получается, что я характерник? Батя, по моему, тебя заносит. Я никогда не чувствовал себя неуязвимым и уж тем более не имел и не имею тяги к разборкам и мордобою. А если случалось драться, то я никогда не терял головы. Мало того – и ты это знаешь – в детстве мне здорово доставалось от пацанов, пока я не занялся спортом.

– Все это так. И тем не менее, в тебе что-то есть. Возможно, ОНО еще не проявилось.

– Скажи мне это кто-то другой, я бы просто посмеялся. Но слышать из твоих уст такие откровения... С ума сойти!

– С ума сходить не нужно, а на заметку мои слова возьми. Возможно, я ошибаюсь. Нынче другие времена, другая общественная атмосфера, иные нравы. Мы живем в мире потребителей-непротивленцев. Настоящих бойцов можно по пальцам пересчитать. А уж сильных личностей – тем более. Так что живи, как жил, и не бери дурного в голову.

– А как быть с этим посланием? Ты поедешь?

– Еще чего! Это я по молодости был борзым и легким на подъем. И совал свой длинный нос, куда не следует. Теперь

³³ Берсерк – викинг, посвятивший себя богу Одину, перед битвой приводивший себя в дикую ярость. В сражении отличался большой силой, быстрой реакцией, нечувствительностью к боли, безумием.

у меня масса обязательств, которые я должен выполнять. За мои услуги, между прочим, платят хорошие денежки. Вон, тебе жениться нужно, потом свадебное путешествие и все такое... А это нынче о-го-го сколько стоит.

Глеб рассмеялся и ответил:

– Батя, найдешь мне в Англии невесту – ей-богу женюсь. Они там падкие на русских мужиков – экзотика. А если я еще буду брать ее и в «поле», то это для иностранок вообще полный кайф. Они помешаны на живой природе. В отличие от наших девиц. Нашим подавай дворец на Рублевке, «мерс» к подъезду и прислугу. Да чтобы туалет был теплым и отделанный изразцами, а вместо ванны – джакузи.

– Вижу, ты совсем в женщинах разочаровался.

– В женщинах – нет, здесь все в порядке, но в потенциальных невестах – да, разочаровался. Нет у меня времени на разные уси-пуси. Я весь в работе. Значит, ты не хочешь ехать?

– Не верю я, что баба Глаша отходит. Ну не верю, и все тут! Мне кажется, она вечная. А если честно, то я просто ее боюсь. Похоже, она что-то задумала, какой-то фортель. Но мне впутываться в ее расклады не хочется.

– А если она и впрямь при смерти? Ведь получается так, что из близких ей людей мы остались последними. Другой родни ни у нее, ни у нас нет.

– По этому поводу можешь не беспокоиться. Все, кто живет в деревне, считай, родня бабе Глаше. Ведь она прини-

мала роды у деревенских баб целое столетие, а может, и дольше. Представляешь? Ее смерть для жителей деревни будет огромной утратой. Так что принять ее последнее «Прости...» будет кому. И похоронят ее с почестями, и помянут. Короче говоря, сынок, выбрось эту историю из головы.

– Это будет сложно... Человек убит. Но это уже заботы правоохранительных органов. Ты скажи мне вот что: почему баба Глаша под текстом вместо подписи нарисовала анк?

– Вот уж чего не знаю... Я помню, что в руках она обычно держала крупные четки из какого-то странного полупрозрачного камня, мне неизвестного (они внутри как бы светились), а к ним крепился небольшой серебряный анк. Вот и все, что мне известно на сей счет.

– Между прочим, у гонца бабы Глаши в кармане лежала расческа, изготовленная из черного дерева, а на ее ручке тоже был вырезан анк.

– Тут уже мы ступаем на поле домыслов. Намекаешь, на секту, поклоняющуюся анку?

– Сначала я именно так и подумал. Но теперь свое мнение изменил. Древнеегипетский анк – и русская глубинка, это нонсенс. Я не берусь объяснить этот факт.

– Должен тебе сказать, что крест с кольцом гораздо древнее даже Древнего Египта. Есть предположение, что анк происходит из Атлантиды. Кстати, ты забыл, что в более поздние времена его использовали колдуньи при ворожбе, гадании и врачевании. Однако, анк имел распространение лишь

в Западной Европе. Как он к нам попал – загадка. И уж тем более непонятно, каким боком баба Глаша имеет к нему отношение.

– А казачок-то засланный... Ты так не думаешь?

– Хочешь сказать, что Глафира Миновна – западноевропейская ведьма, сбежавшая из лап инквизиции в Россию? Трижды ха-ха. Не смейся меня, сын. Она чисто русская женщина. И статью, и характером, и помыслами. Это точно. Более того, она русская патриотка, каких мало. Для нее родина – это все. Правда, коммунистов она не любила. Хотя коммунистическую идею всеобщего равенства и братства поддерживала. Это мне твой дед рассказывал. Я ведь не был с нею настолько близок, чтобы знать такие подробности.

– Ну, не знаю...

– Но и это еще не все. Обычно баба Глаша никуда не выезжала из своей деревни, больше похожей на старообрядческий скит. Даже в райцентр. Представляешь, как удивился твой дед Данила, увидев ее зимой 1941 года... под Москвой!

– Что она там делала? Только не говори, что баба Глаша была в ополчении!

– А я и не говорю. Бери выше. Она общалась с самим Жуковым!

– С маршалом?!

– Тогда еще генералом.

– Батя, эту байку дед рассказывал тебе подшофе?

– На полном серьезе. В сорок первом его призвали на

службу, и дед Данила некоторое время служил при штабе 16-й армии писарем, так как у него был очень красивый каллиграфический почерк. Вот там он и встретил бабу Глашу. Нужно сказать, она его сразу заметила и, конечно же, узнала, но виду не подавала. Еще бы – с ней о чем-то беседовал сам Жуков! А рядом шел Рокоссовский. Потом Жуков усадил ее в машину и они уехали. А спустя сутки деда ранило. Немцы разбомбили помещение штаба, и он попал в госпиталь. Так что свидеться им не удалось. Впрочем, не исключено, что у бабы Глаши и не было такого желания.

– Чем дальше в лес, тем толще дрова... Почему я об этом ничего не знаю?!

– Я уже тебе рассказывал. Дед Данила был категорически против твоего знакомства с бабой Глашей. Категорически! А я не мог его послушаться. Ты же знаешь, каким был наш дед. Как порох. Он бы меня прибил, невзирая на мой возраст и заслуги. Уж очень он тебя оберегал, любил и баловал. И потом, я думал, что баба Глаша давно умерла. Ведь от нее уже лет двадцать не было ни единой весточки.

– Значит, ты не едешь...

– Нет! Категорически – нет! Я как вспомню... В тех краях такие дикие места, что не удивлюсь, если там лешие, водяные, русалки и прочая нечисть водится. Плюс баба Глаша со своими колдовскими замашками. Бр-р!

– Но ты ведь проводил там раскопки!

– Потому что был молодым и глупым. Сейчас меня не за-

манишь туда и сдобной коврижкой. Натерпелся я тогда страху... правда, никогда и никому в этом не признавался. Даже сам себе... – Отец помолчал, а затем остро посмотрел на Глеба и сказал: – Вижу, ты вознамерился заменить меня... Не спорь, меня не проведешь! Так вот, я запрещаю тебе ехать к бабе Глаше. Слышишь – запрещаю!

– Батя, и в мыслях не было...

– Врешь и сам себе веришь. Дай слово, что ты не ослушаешься меня.

– Батя...

– Я не ясно изъясняюсь?! Дай слово!

– Куда уж ясней... – недовольно буркнул Глеб. – Какой ты черствый, отец! Нельзя отказывать старым женщинам, тем более в их последнем желании. Ладно, ладно, все, не кипятись! Заметано. Даю слово, что без твоего разрешения я туда не поеду.

И подумал сердито: «Мое слово – моя собственность; могу дать его, а могу и взять обратно».

– Все. Тему закрываем, – решительно сказал отец. – Надеюсь, ты не балаболка и слово сдержишь. Ладно, братец кролик, потопал я в душ. Хочу смыть с тела пыль чужого отечества. Лондон, конечно, хорош, но наш городишко во сто крат краше...

Отец ушел. Недовольный Глеб тяпнул еще одну рюмку и закурил. Мыслями он был на станции Висейки. Теперь Тихомиров-младший точно знал, что баба Глаша надолго по-

селится в его голове. Ну, батя, ну, изверг! На корню пресек классную идею. Хорошо бы поковыряться в том старом храме, о котором говорил отец... Глеб почему-то был совершенно уверен, что уж он-то точно найдет там какой-нибудь сногшибательный артефакт.

Увы и ах... Дал слово – держи.

Тихомиров-младший потянул к себе фотографию бабы Глаши. Она по-прежнему смотрела прямо в душу – остро и требовательно, будто командир, ожидающий беспрекословного подчинения его приказам.

Глава 4

– Куда девался этот чертенок?! – бушевал дядюшка Мало, размахивая укороченным кутлассом, переделанным в нож для разделки туш. – Поймаю – уши обрежу!

– Повар послал грума за специями, – ответил кто-то из слуг.

– Что, больше некого было послать?! У нас тут полно бездельников. Чего стоите?! Марш, марш! За работу, бродяги, за работу, якорь вам в глотку!

Тем временем «чертенок», которого разыскивал хозяин постоянного двора, торопливо шагал точно по середине узкой и грязной парижской улочки (которая, тем не менее, имела звучное название Кутюр-Сен-Жерве), стараясь, чтобы ему на голову не вылили содержимое ночного горшка.

Трех и четырехэтажные дома почти смыкались над головой подростка, и ему была видна лишь узкая полоска неба. Каждый верхний этаж нависал козырьком над нижним, и часто расстояние между домами, стоящими друг против друга по разные стороны улицы, было не больше трех французских футов³⁴. Это было очень удобно для разного рода мазуриков. Во время полицейской погони они могли уходить по крышам, перескакивая с дома на дом и перебираясь с одной

³⁴ Французский фут (точнее, парижский) равнялся 324,8 мм; английский фут равен 304,79 мм.

улицы на другую.

Грум по прозвищу Фанфан торопился в заведение хромого Гильотена. Это была харчевня (кабак) на улице Фур, где обычно собирался парижский сброд. Горожане обходили ее десятой дорогой, так как в заведении Гильотена (которого называли «папашей») можно было лишиться не только кошелька, но и жизни.

Кроме харчевни, звучно именуемой таверной, папаша Гильотен держал еще и лавочку, где торговал разным старьем. Лавочка была прикрытием. На самом деле папаша Гильотен больше приобретал, чем продавал. Он скупал краденые вещи, которые приносили ему обитатели Дома Чудес. А чтобы его не арестовала полиция, папаша Гильотен воровскую добычу отправлял на реализацию в другие города Франции.

Среди мазуриков упорно ходили слухи, что папаша Гильотен богат, как королевский сборщик налогов, но по его внешнему виду и образу жизни этого нельзя было сказать. Он носил одну и ту же засаленную одежду много лет, ел грубую пищу, а доброму вину предпочитал хмельную граппу – виноградную водку, крестьянский напиток.

Папаша Гильотен был женат, однако его супругу никто не видел и никто не знал, где она живет. По крайней мере, в харчевне своего мужа она никогда не появлялась. В отличие от младшего сына, которого тоже звали Гильотен и который подавал надежды стать таким же негодяем, как и его отец. Сынок прислуживал в заведении папаши Гильотена с деся-

ти лет, в основном выполняя функции шпиона и наушника. Гильотен-младший подслушивал пьяный треп мазуриков и доносил отцу.

Двое других сыновей хозяина кабака были и вовсе беспутными. Они записались в наемники. Но их поманила не романтика военных походов, а возможность безнаказанно грабить взятые на шпагу города и вражеские замки.

Однако вернемся к Фанфану. Он родился в обозе Бурбонского полка. Его матерью была маркитантка, а отцом – кто-то из бравых наемников. Наверное, и сама маркитантка не знала, кто именно. Фанфана воспитывали всем полком. А так как в Бурбонском полку служили наемники со всей Западной Европы, то к десяти годам мальчишка свободно изъяснялся на нескольких европейских языках.

Что касается грамоты, то юному Фанфану крупно повезло. В те времена редко можно было встретить человека, умеющего читать и писать. Часто даже вельможи были безграмотными и вместо подписи ставили оттиск фамильного перстня. Как-то так получилось, что в воинский обоз затесался монах-расстрига, изгнанный из монастыря за пьянство. Его приставили в помощники к повару, который обслуживал господ офицеров; на удивление, монах-забулдыга знал толк в приготовлении изысканных блюд.

А поскольку предприимчивый, несмотря на юный возраст, и почти всегда голодный Фанфан старался держаться поближе к кухне, то монах между делом научил мальчика

всему тому, что знал сам. В качестве платы за свои труды учитель требовал, чтобы Фанфан снабжал его вином. Для юркого мальчика это не составляло большого труда. Он как ящерица проникал в святую святых обоза – повозку, где хранился запас спиртного, предназначенный для господ офицеров, и воровал бутылки с вином.

Когда ему исполнилось двенадцать лет, мать умерла от какой-то болезни, и Фанфану пришлось оставить полк. После полугодичных скитаний по Франции он оказался в Париже, где его приметил папаша Гильотен. Но в услужение к себе не взял, а направил на постоялый двор «Ржавый якорь», где как раз требовался грум – за годы, проведенные в Бурбонском полку, Фанфан научился ловко управляться с лошадьми.

Питейное заведение папаши Гильотена представляло собой большой, насквозь прокуренный квадратный зал с сильно закопченным потолком и давно не белеными стенами. Грубые деревянные столы и скамьи образовали круг для танцев, а в дальнем конце помещения высилась эстрада. Она представляла собой помост на четырех столбах, прикрытый изрядно вытертым ковром.

На эстраде царил дирижер, которого звали старина Буатель. Роста он был маленького – с карлу, а повадками и ужимками напоминал обезьяну. На голове у Буателя красовалась копна седых кудрявых волос, а красные с синими прожилками щеки ясно говорили, что дирижер – большой любитель спиртного.

Музыка, которую исторгали два кларнета, тромбон и барабан была воистину варварской, но собравшимся в кабаке пьяным мазурикам она казалась весьма мелодичной. Они танцевали с публичными женщинами, за что приходилось платить их содержателям; но это не останавливало любителей хорошо повеселиться. В заведении папаши Гильотена собирались в основном мошенники всех мастей, карманники и громилы. Они легко добывали деньги, и с такой же легкостью с ними расставались.

Что касается одежды клиентов папаши Гильотена, то большее разнообразие трудно было представить. Казалось, что охотничьи куртки всех фасонов и расцветок, доломаны венгерских гусар, английские рединготы, изрядно потрепанные вицмундиры, узкие уланские панталоны с нашивками, сюртуки с оборванными фалдами и прочее тряпье их хозяева привезли в Париж со всех стран Европы на выставку, организованную цехом старьевщиков.

Но абсолютным шиком считались красные шаровары в комплекте с высокими армейскими сапогами. На них были особенно падки женщины, которые питали большую слабость к ярким военным костюмам. Любой кавалер в такой одежде мог надеяться, что цена, которую ему придется заплатить за ночь продажной любви, будет ниже обычного тарифа.

Почти все клиенты папаши Гильотена говорили на арго – воровской «музыке». Этот испорченный французский язык

не знала даже полиция, не говоря уже о простых подданных короля Людовика XV, который в данный момент правил Францией. Послушав разговоры в кабаке, можно было подумывать, что случилось еще одно вавилонское столпотворение и парижане стали изъясняться словами-перевертышами.

Однако гвоздем программы была кухня папаши Гильотена. Повар Жоссаз и его одноглазый помощник Симон творили с продуктами чудеса. В их руках конина превращалась в говядину, собачатина шла на котлеты, которые именовались бараньими, а какая-нибудь бездомная кошка, приготовленная под пикантным и острым испанским соусом, выступала в меню под гордым именем «зайца из охотничьих угодий короля», добытого, естественно, браконьерским способом.

Полицейские офицеры и инспекторы в притон папаши Гильотена даже не заглядывали. Они считали, что в этой клоаке им просто нечего делать. Тем более, что по улице Фур и днем ходить было небезопасно.

Но это не относилось к Фанфану. Он был храбрым малым. Никто не знал, что в кармане его обтрепанных шаровар покоится наваха, которую мальчик пускал в ход, когда было нужно, не задумываясь. Он разил, как змея – молниеносно. А еще он весьма прилично владел шпагой и метко стрелял – годы, проведенные в Бурбонском полку, не прошли даром.

Фанфан отворил дверь в кабак и невольно отшатнулся назад. В нос ему ударила такая невообразимая смесь запахов дешевого спиртного, немытых человеческих тел, подгорело-

го оливкового масла, табачного дыма и еще чего-то, совершенно непотребного, что у мальчика, привыкшего к свежему воздуху и гораздо более приятным запахам конюшни, закружилась голова.

Но он превозмог минутную слабость и храбро ступил в сильный от табачного дыма полумрак. Как всегда, людей в кабаке было полно. Фанфан посмотрел на эстраду и обрадовался – музыканты во главе со своим дирижером Буателем отдыхали. Тонкий слух мальчика плохо переносил грубую какофонию не очень мелодичных звуков, исторгаемых инструментами, место которым разве что в походных порядках армейского полка.

– Эй, гарсон, поди сюда, рыжая образина! – заорал кто-то из мазуриков, да так, что Фанфан, как раз проходивший мимо его стола, шарахнулся в сторону.

– Чего изволите? – гарсон и впрямь был рыжим и кудрявым, как херувим; вот только лицом он был совсем не похож на библейского персонажа.

– Принеси нам чернушку в восемь «жаков»³⁵ и чего-нибудь пожевать. Да только побыстрей! А то знаю я тебя...

– С вас двадцать четыре су³⁶, мсье.

– Уж не думаешь ли ты, что я хочу тебя околпачить?! –

³⁵ Чернушка в восемь «жаков» – кувшин или бутылъ вместимостью четыре литра (жарг.)

³⁶ Су – старинное простонародное название медной французской монеты соль; 1 соль = 12 денье.

возмутился мазурик.

– Извините, но у нас так заведено – оплата вперед. – Гарсон был отменно вежлив и невозмутим.

– Дьявол тебя дери! То гнусное пойло, которым потчует честных людей папаша Гильотен, нужно подавать бесплатно. Держи, сын блудницы! – мазурик бросил на стол несколько монет.

Мельком взглянув на Фанфана, гарсон побежал выполнять заказ. Глаза мальчика тем временем привыкли к скудному освещению и он наконец увидел папашу Гильотена, который как раз разливал вино из бочки в кувшины разной вместительности. На нем, как обычно, был надет замызганный фартук, под которым владелец притона прятал острый нож. Ему не раз приходилось разнимать пьяных драчунов, и его добрый клинок исполнял роль арбитра с непререкаемым авторитетом.

– А, это ты... – Папаша Гильотен мельком взглянул на Фанфана и подозвал своего сынка, который шнырял между столами, как хореk в курятнике. – Займись... – указал он на пустые кувшины. – Иди за мной, – молвил хозяин харчевни Фанфану, и они поднялись на второй этаж, где находились так называемые «спальные» комнаты.

Обычно в них «отдыхали» с женщинами легкого поведения особо нетерпеливые мазурики – в основном те, кого недавно выпустили из тюрьмы Сен-Лазар и кто еще не успел завести себе постоянную подружку.

Папаша Гильотен и Фанфан уединились в крохотной комнатухе без окон со столом, двумя стульями и запирающимся на ключ массивным дубовым шкафом; комната служила хозяину притона своего рода кабинетом. Там он сводил дебет с кредитом и принимал своих наводчиков и тайных осведомителей (на воровском жаргоне их называли «мухами»), к которым относился и Фанфан.

– Есть новости? – спросил он, усаживаясь за свой стол.

– Есть, – ответил мальчик. – У нас новый постоялец. Граф Сен-Жермен. Очень богатый. Не знаю, как насчет кошелька, но перстни у него на руках огромной цены. Я таких бриллиантов еще не видывал.

– Бриллианты, говоришь? – папаша Гильотен подался вперед и вперил в Фанфана свои огромные глазищи; при этом он стал похож на старую ошипанную сову. – Ты не ошибаешься?

– Что вы, господин! Вы ведь меня знаете. Я никогда не принесу вам туфту.

– Бриллианты... Это хорошо... – На плоском и круглом, как блин, лице папаши Гильотена появилось мечтательное выражение. – Молодец, Фанфан! Отличная наколка. Ну, ладно, ты иди. Теперь это уже мои дела.

– И это все? – дерзко спросил мальчик; он сложил ладони лодочкой и потряс ими, словно наслаждаясь звоном несуществующих монет.

– Ах, да, да... – Папаша Гильотен достал кошелек и от-

считал Фанфану десять су.

— Господин хороший! За такую козырную наколку нужно бы добавить...

— Неблагодарный мальчишка! — взвился, как ужаленный, хозяин притона. — Ты, похоже, забыл, сколько я для тебя сделал. Не будь папаши Гильотена, ты сейчас был бы бездомным голодранцем или заключенным тюрьмы Сен-Лазар. Ему мало десяти су! Какая наглость! Это в два раза больше, чем стоит твоя услуга. Но если ты хочешь отказаться от этих денег...

— Нет! — монеты словно испарились со стола. — Премного вам благодарен, господин Гильотен. Так я пошел?

— Иди, иди... Я пришлю к тебе Трипо (вы уже знакомы), и ты покажешь ему комнату этого графа.

— Всенепременно...

С этими словами Фанфан сбежал вниз по лестнице в зал питейного заведения папаши Гильотена и с легким сердцем выскочил на улицу. Наверное, хозяин притона очень удивился бы и обеспокоился хорошим настроением подростка. Но, к счастью, он не знал, что у Фанфана на уме.

Вместо того, чтобы возвратиться в «Ржавый якорь», Фанфан взял курс на площадь Шателе. Там он отыскал весьма симпатичный с виду дом, в котором сдавали комнаты внаем, и дернул за цепочку звонка. Парадная дверь дома отворилась и на пороге появился хмурый консьерж.

— Тебе чего? — спросил он неприветливо, с подозрением

глядя на одежду мальчика.

– Мне нужен мсье Винтер.

– Зачем?

– Мсье Винтер знает, что я должен прийти, – уклонился от прямого ответа Фанфан. – Мое имя Фанфан. Он ждет меня.

– Бродят тут всякие оборванцы... – пробурчал консьерж. – Ладно, жди... – И закрыл дверь.

Отсутствовал он недолго. Следующее его появление разительно отличалось от предыдущего. Консьерж был сама любезность. Фанфан лишь скептически ухмыльнулся – похоже, в кармане консьержа зазвенела монета немалого достоинства; господин Винтер всегда был щедр со слугами. За это они приносили ему немало ценных сведений, которые не купишь ни за какие деньги.

Фанфан поднялся по узкой лестнице на третий этаж и постучал в прочную дубовую дверь.

– Входи, мой мальчик, входи! – раздался приветливый голос, и Фанфан очутился в богато обставленной комнате.

Там его ждал высокий мужчина в гражданском платье иноземного покроя. На его хищном ястребином лице светилась приветливая улыбка.

– Надеюсь, у тебя важные новости? – спросил он, жестом приглашая мальчика присесть на крохотный диванчик.

– Да, господин. Вы оказались правы – он остановился в «Ржавом якоре». Птичка в клетке!

– Граф Сен-Жермен?! – лицо Винтера от волнения покры-

лось бледностью.

– Он. Прибыл сегодня.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи мне все по порядку. Не упускай ни единой подробности!

Когда Фанфан закончил свое повествование, Винтер подошел к столу, налил бокал божанси и выпил одним духом.

– Интересно, интересно... – Винтер в задумчивости потер виски. – Наконец объявился Мюррей... Ну, с ним мы разберемся здесь, в Париже. А что касается графа... Значит, Сен-Жермен настроился на поездку в Россию?

– Именно так, мсье.

– Когда граф собирается покинуть Париж?

– Увы, этого он не сказал.

– Скверно... Но это не беда. – Винтер некоторое время смотрел на Фанфана со странным выражением на лице. – Скажи мне, ты любишь путешествовать?

– Очень. Но я ведь привязан к постоялому двору дядюшки Мало...

– Эту проблему можно утрясти... – Винтер хищно осклабился. – В судьбе человека много разных случайностей... Ты упоминал, что у графа есть мальчик-слуга примерно твоего возраста. Это так?

– Да. Его зовут Жиль.

– Отлично, отлично... С Жилем мы разберемся. А как ты думаешь, дядюшка Мало отпустит тебя в услужение к графу Сен-Жермену?

– Если граф попросит, дядюшка Мало не сможет ему отказать, – уверенно ответил Фанфан.

– Надо, чтобы попросил. Ты должен за очень короткий срок войти в доверие к графу. Сумеешь?

– Постараюсь. Есть у меня одна мысль... – На лице мальчика появилась коварная ухмылка.

В этот момент он вспомнил о папаше Гильотене и его «щедростях».

– Тогда действуй. Я на тебя надеюсь. Уверен, ты сумеешь... – Винтер достал небольшой кошелек в виде кожаного мешочка с завязками и отдал его Фанфану. – Это тебе за труды. Если все получится, как я задумал, твое будущее будет обеспечено. Мое слово твердо.

– Спасибо, мсье. Я вам верю. Разрешите откланяться.

– Иди. И да пребудут с тобой Господь и Дева Мария...

Забежав в темную подворотню, мальчик нетерпеливо распустил завязки кошелька и пересчитал монеты.

– Пять луидоров³⁷!!! – прошептал он хриплым от волнения голосом и, пораженный щедростью Винтера, сел прямо на грязные камни мостовой. – Это целое состояние! Да теперь... если он прикажет, я... Я брошусь в огонь!

На Париж опускались сумерки. Мимо Фанфана катили

³⁷ Луидор – старинная французская золотая монета (по весу около 7,275 г золота), чеканка которой по образцу испанского пистоля началась в 1640 году при Людовике XIII (отсюда и название монеты) и продолжалась до Великой французской революции (1789–1794).

тильбюри, фаэтоны, дилижансы³⁸, шли горожане, торопясь до захода солнца очутиться в своих домах и квартирах, проехал небольшой отряд гвардейцев короля, который сопровождал какого-то важного господина в раззолоченной карете, скорее всего, принца Конде, судя по гербу, а подросток, очарованный своими лазурными перспективами, брел с широко открытыми глазами, как сомнамбула, спотыкаясь почти на каждом шагу.

Мыслями Фанфан уже был в далекой и таинственной России...

³⁸ Тильбюри – старинный легкий двухколесный экипаж (англ.); фаэтон – конная повозка с откидывающимся верхом (фр.); дилижанс – четырехколесный многоместный экипаж для перевозки пассажиров и почты (фр.).

Глава 5

Николай Данилович уехал в Лондон на четвертые сутки. Похоже, несмотря на столь короткий срок, англичане успели по нему сильно соскучиться, потому что названивали каждый день. Глеб проводил его в аэропорт, вернулся домой и захандрил от безделья. В голову не лезла ни одна толковая мысль; даже не хотелось просматривать по компьютеру новостные программы. Он валялся на диване, как Обломов, и вяло размышлял на разные отвлеченные темы – чтобышний раз не вспоминать о разговоре с отцом.

И все равно таинственная баба Глаша, едва он разными благоглупостями успокаивал разыгравшееся воображение, выскакивала перед его мысленным взором, как черт из табакерки. Тогда он плюнул на все и пошел субботним вечером в ресторан с намерением надраться до положения риз, чтобы таким образом очистить мозги от скопившегося там хлама. А еще Глебу хотелось поесть по-человечески, потому что после отъезда отца он сидел на сухомятке – бутербродах с колбасой и сыром.

Ресторан назывался «Королевский двор». Прежде – в пятнадцатом – семнадцатом веках – на месте города, как гласит легенда, находилась небольшая деревенька с постоянным двором, где будто бы останавливался какой-то король. Что он делал в России, народная молва об этом умалчивает – мо-

жет, воевать приходил. Скорее всего, так оно и было, потому что на Русь-Московию-Россию кто только не зарился; почти все европейские монархи пытались откусить лакомый кусок богатой территории, да только зубы на нем ломали.

Как бы там ни было, но легенда благополучно дожила до наших дней, пока местный предприниматель не увековечил ее в названии ресторана. Мало того, он даже поставил перед своим заведением бронзовую статую безвестного короля с длинным рыцарским мечом в руках, который в своих латах и диковинного вида шлеме больше смахивал на кондотьера³⁹, нежели на коронованную особу.

Но как бы там ни было, а кормили в «Королевском дворе» отменно, и главное – недорого. Поэтому там собиралась городская богема и практически не было проституток – что возьмешь с бедного художника?

Глеба встретили, как дорогого гостя. Он и впрямь был в «Королевском дворе» завсегдатаем. Мало того, Тихомиров-младший прослыл еще и другом хозяина ресторана (что было не совсем так), поэтому относились к нему весьма предупредительное и никто из официантов его не обсчитывал. (Правда, на чаевые Глеб не скупился.)

³⁹ Кондотьеры – в Италии XIV–XVI вв. командиры военных отрядов, находившихся на службе у городов-коммун и государей и состоявших в основном из наемников-иностранцев. Случалось, что кондотьеры захватывали власть в городах, основывая синьории. В рядах кондотьеров было немало авантюристов. Часто кондотьеры после получения платы за свою работу переходили из одного воюющего лагеря в другой и шантажировали своих нанимателей.

Что касается ресторатора, то Глеб консультировал его по части антиквариата. Хорошо обеспеченному хозяину «Королевского двора» некуда было девать лишние деньги, и он вкладывал их в произведения искусства, скупая старинное серебро и фарфор.

Глеб сел за свой любимый столик возле декоративного розового дерева, занимавшего весь угол почти до самого потолка. Маленькие розочки среди лакированной зелени листьев цвели все лето и осень, до морозов, источая приятный аромат. На столике всегда стояла табличка «Заказано». Конечно же, его придерживали не для Тихомирова-младшего, а так, на всякий случай. Обычно табличку со стола снимали ближе к одиннадцати вечера, потому что в такое время солидные клиенты уже не появлялись.

– Вы один? – не без задней мысли спросил официант, которого звали Стас.

– Да. Только никаких подсадок! Я хочу поужинать в спокойной обстановке.

– Без вопросов... – сказал Стас и побежал выполнять заказ.

Все столы в «Королевском дворе» были массивными, изготовленными из дуба. Дизайн ресторана был выполнен в стиле средневекового замка, окна заменяли витражи, а посреди зала стояла огромная жаровня, где готовили прямо на глазах у клиента мясо, рыбу, птицу – по его выбору. Но главным коньком «Королевского двора» был великолепный

глинтвейн, который готовился по старинному рецепту. Люди от него не дурели, как от водки, особенно паленой, а приятно хмелели. При этом даже записные бузотеры становились добрыми и кроткими.

Когда Глеб заканчивал разбираться с большой форелью, которую повара при нем выловили из аквариума и зажарили, к столу подошел официант Стас. В руках он держал лишь пустой поднос.

– Кгм!.. – прокашлялся официант в кулак и замялся, изображая из себя большого скромника.

– Грузи, – милостиво разрешил немного захмелевший Глеб, который сразу понял, о чем пойдет речь.

– Там один молодой человек, – Стас указал на входную дверь, – утверждает, что вы будете очень рады его компании.

– Как его зовут?

– Насчет имени не знаю, а кличут его Жук. По крайней мере, так он сказал.

– Жук, говоришь? Ну, ежели он настаивает, что я буду безмерно рад лицезреть его мордуленцию, то зови.

Жук – это было прозвище одного из «коллег» Глеба. Вообще-то, его звали Антон Жучихин, а кликали Железный Жук. Свой псевдоним он получил за уникальную способность пролазить сквозь такие маленькие отверстия и щели, что другие «черные» археологи диву давались.

Но и это еще не все. Жучихин-Жук мог зарываться в землю с невероятной скоростью. У него была немецкая саперная

лопатка, лезвие которой он хитро изогнул. Благодаря этому усовершенствованию своего рабочего «агрегата» Жук делал прямые и наклонные ходы, как медведка, выталкивая землю наружу сильными, как пружины, ногами. Кроме того, он мог очень долго находиться в замкнутом пространстве, каким-то непостижимым образом регулируя потребление кислорода своими легкими.

– Привет, наука! – поздоровался Жук с Тихомировым-младшим, сжав ему ладонь, словно тисками. – Я тебя не стесню? – спросил он с улыбкой, усаживаясь за стол.

– Если не будешь много балаболить, то нет, не стеснишь.

– Я буду нем, как печка, – манерно ответил Жук словами одного киношного героя. – Половой! – позвал он Стаса. – Ведро глинтвейна и чего-нибудь пожрать. Рыбу? У нас что сейчас, Великий пост? Нет? Тогда тащи мне хорошо прожаренный бараний бочок. Да только смотри, чтобы это был молодой барашек, а не ветеран, который помер естественной смертью! И зелень давай.

Официант убежал выполнять заказ. Жук критическим взглядом окинул стол и потянулся за бутылкой, в которой осталось не более ста граммов коньяка.

– Можно?... – спросил он Глеба.

– Нужно, – ответил тот.

– Тады ой... – Жук вылил остатки коньяка в бокал и молвил: – Ну, чтоб всегда... Твое здоровье.

Он выпил, закурил и пристально посмотрел на Глеба.

– Ты чего такой смурной? – спросил Жук. – Неужто же-
нился?

– Чур тебя! Не заставляй меня плевать через левое плечо.
Кругом люди.

– Значит, какая-то другая причина... Что ж, попробую
еще раз проявить свой провидческий дар. Похоже, в этом се-
зоне у тебя с «полем» вышел полный абзац. Я прав?

– Прав.

– Тогда мы с тобой кореша. Такого провала, как в этом
году, у меня еще не было. Мало того, я едва не попал в мен-
товку. Хорошо, бабки были, откупился. Короче говоря, по-
шел по шерсть, а вернулся стриженный.

– Где копал? Если, конечно, не секрет.

– Секрет. Но тебе скажу, потому как знаю, что ты своим
дорогу не перебегаешь. На Симкином погосте.

– Круто... Не боялся? Про Симкин погост идет дурная
слава...

– А мне по барабану. Я не суеверный. Плохо лишь одно –
какая-то сволочь из местных ментам стучит. Нынче это про-
сто – купил мобилу и звони, куда хошь. Раньше менты в те
места и носа не казали, а теперь ездят, как на работу. Много
там нашего брата паслось, ты знаешь. А сейчас только самые
смелые копают. И то по краям, где поближе к лесу. Чтобы
в случае чего когти побыстрее рвануть. Но таких орлов еди-
ницы.

Местность, о которой говорил Жук, Глебу была хорошо

известна. По какой причине ее называли «погостом» (притом очень давно), поначалу трудно было сказать, так как обычным кладбищем (пусть и старинным) там и не пахло. А высились лишь невысокие холмы, поросшие кустарником и чахлыми березками. Но в них-то для «черных» археологов и заключался весь смысл их существования.

Оказалось, что холмы – это захоронения древних скифов или сарматов. А когда в одном из них нашли золотые украшения, кочевые гробокопатели словно с ума спрыгнули. Они налетели на Симкин погост, как саранча на хлебное поле.

Поначалу их никто не трогал – властям не до того было, делили смачный пирог с начинкой из фабрик, заводов и просто дорогой земли под застройку дач и коттеджей. Но когда на подпольном рынке древностей начали появляться изумительные по красоте изделия древних мастеров из Симкиного погоста, тут уж власть имущие и всполошились. Как так, почему все это добро плывет мимо наших рук?!

В общем, после этого переполоха для «черных» археологов наступили воистину черные времена. Менты ловили их, как тараканов, и прессовали в «обезьянниках» по полной программе. Исполняли наказ вышестоящего начальства. И, нужно сказать, отбили не только почки у некоторых, особенно рьяных искателей приключений на свое заднее место, но и охоту соваться на Симкин погост.

Лишь самые отчаянные пытались ковырять там землю, но толку с этого было мало. Не тот размах. Впрочем, в связи

со свежими веяниями на самом верху – с приходом к власти нового президента – и менты немного присмирели; так сказать, «очеловечелись».

– Да, измелечал народ... – молвил Глеб и с удовольствием выпил кружку глинтвейна, предложенную Жуком. – На Симкином погосте нужно работать артелью: три человека с рациями на стреме, а четверо-пятеро посменно копают. Хорошо бы и технику туда загнать, но там такие места, что и человеку трудно пройти.

– Может, в следующем году возглавишь это дело? – с надеждой спросил Жук. – Народ найдется...

– Нет. Ты же знаешь, я волк-одиночка. Многолюдье меня раздражает.

– Скажи лучше, что у тебя на примете есть что-то козырное...

– Как ни странно, но увы, даже в отдаленной перспективе ничего не вижу. Пытаюсь нащупать какую-нибудь ниточку, но в итоге пока получаю голый вассер. В общем, тоска. Потому и приперся сюда, может, что в голову придет, когда оприходую литра три этого пойла, – Глеб указал на братину с глинтвейном.

– А я пришел, чтобы обмыть сделку. С прошлого года у меня завалюсь кое-какая рухлядь, так я сегодня толкнул ее иностранцам. Хорошие бабки получил. Теперь мне хватит перекантоваться до следующей весны.

– Было что-то стоящее?

– Как по мне, так барахло. Ни серебра, ни золота. Медь, бронза и черепки.

– Нашел на Симкином погосте?

– Нет, в другом месте. Есть у меня такая заначка на черный день. Ежели дела идут совсем худо, я гребу туда и достаю все, что лежит поближе к поверхности земли. Глубже зарываться боюсь. Может завалить.

– Какой век? – поинтересовался Глеб.

– Немчуре я сказал, что пятнадцатый, но на самом деле не старше семнадцатого, а то и восемнадцатый. Больно работа хорошая. Так чисто в пятнадцатом веке не работали. Ну да им все равно. Лишь бы старина.

– А как они твои находки вывезут из страны?

– Это их заботы. А вообще, каналов хватает. Хоть бомбу вези. У нас сейчас не граница, а решето.

– И то правда... – сказал Глеб; и вдруг почувствовал на себе чей-то недобрый пристальный взгляд.

Стараясь не делать резких движений, он переменял позу, взял кружку с глинтвейном и как будто от нечего делать стал с безразличным видом оглядывать зал ресторана.

Народу было много. С некоторыми Глеб был знаком лично, кого-то знал по именам, кого-то – только в лицо, но были и незнакомцы. И как раз один из них, явно чужак, который сидел в дальнем конце зала, в тени, буквально пожирал Глеба хищными глазами. Стараясь не смотреть на него прямо, а всего лишь держать в поле зрения – чтобы не вспугнуть

– Тихомиров-младший начал в уме лихорадочно перебирать всех тех, с кем ему доводилось встречаться.

Увы, этот человек не значился в его мысленной «записной книжке». Он вообще казался не от мира сего. У него были длинные волосы с проседью, тонкие, лихо закрученные на французский манер усы, и борода-эспаньолка. Нынче такие бороды редко кто носит, разве что экстравагантные представители богемы, начинающие день с посещения личного визажиста; эспаньолки были в большой моде до революции 1917 года.

«Интересно, как его пустили в ресторан?» – подумал Глеб. В «Королевском дворе» на фейс-контроле стоял не человек, а зверь; обычно его звали не по имени – Никита, а по прозвищу – Винт. Его он получил за феноменальную память на лица, которые были записаны в его башке, как на жестком диске винта – компьютерного винчестера.

Никита помнил всех, кто побывал в ресторане со дня открытия. Мало того, он мог с одного взгляда определить, что за человек стоит перед ним и сколько у него денег в кармане. Буянам и дебоширам в «Королевский двор» путь был заказан.

Однако нужно отметить, что перед творческой братией Винт все-таки пасовал. Он уважал творческие личности. И когда кто-нибудь из артистов, художников или журналистов перебирал лишку и начинал свинячить, Никита вежливо брал такого индивидуума под белые руки, выводил на улицу

и подзывал такси; бывало, что он и оплачивал доставку домой «груза», совсем не вязавшего лыка.

Спорить с ним, а тем более бодаться, было бесполезно. Винт был двухметрового роста, имел пудовые кулаки и черный пояс по карате. Кроме того, как поговаривали, он служил в ФСБ или ГРУ, и даже где-то воевал, но на эту тему Никита никогда не распространялся.

Глеб знал, что Винту платили как шеф-повару, а то и больше. Зато хозяин ресторана мог особо не беспокоиться о своем заведении – рэкетеры обходили «Королевский двор» окольными путями. Правда, Глеб подозревал, что не из-за большого пиетета перед Никитой. Скорее всего, у Винта была прочная «крыша» в виде его сослуживцев, продолжавших работать в органах.

«Где я видел этого фраера? – думал Глеб. – Где и когда? Очень знакомая мордуленция... И притом навевает неприятные ассоциации. Ну, вспоминай же, вспоминай, олух царя небесного!» Увы, мыслительный аппарат Тихомирова-младшего только бестолку напрягал свои извилины, работая вхолостую.

Наверное, незнакомец каким-то шестым чувством уловил флюиды настороженности, исходящие от Глеба, потому что сначала резко опустил взгляд на стол, а затем подозвал официанта, рассчитался и быстро пошел к выходу. Он был среднего роста, изящного (даже хрупкого) телосложения и немного приволакивал правую ногу.

Глеб машинально отметил, что на его столе присутствовала только минералка, а из еды – какой-то салат и хлеб. «Хорошо повеселился мужик...» – мысленно улыбнулся Тихомиров-младший. Но улыбка эта вышла несколько кривоватой, потому что в душу змеей подколодной вползло беспокойство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.